

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

Икар

фон дер Цев 5

Барон фон дер Зайцев

Андрей Шопперт

Барон фон дер Зайцев. Книга 5

«Автор»

2026

Шопперт А. Г.

Барон фон дер Зайцев. Книга 5 / А. Г. Шопперт — «Автор»,
2026 — (Барон фон дер Зайцев)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Шопперт

Барон фон дер Зайцев. Книга 5

Глава 1

Событие первое

«Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert... как сказал прусский генерал Карл Людвиг Август Фуль (Phull, 1770–1840), чью фамилию иногда, следуя традиции романа господина Толстого, произносят ошибочно – Пфуль.

Иоганн и не очень-то хотел... Да даже очень не хотел из себя генерала изображать. Так и не генерала изображал, а светофор. Был Иван Фёдорович как-то в Праге на экскурсии. И там ушлые пражане придумали для туристов аттракцион, нашли проход между домами и объявили его улицей. Вот только ширина прохода где-то полметра, и он приличной длины. Двоим не разойтись и для экскурсантов придумали замечательный ход. Поставили светофор и ещё объясняют, что нужно быстрее двигаться, так как светофор минуту, кажется, всего работает и вот почтенные бюргеры за свои же деньги трусцой трусят по проходу, задевая мясистыми плечами за стены, рвутся через эту щель к свету.

Так и сейчас пришлось ему светофор изображать, так как через узкий проход, ну пошире метра, зато гораздо длиннее, чем в Праге, людям нужно в обе стороны, и каждому, чего тут не ясно, в разы нужнее, чем другим, и уж точно нужнее, чем тем почтенным бюргерам в Праге. Так и кричат: «Мне нужник срочно нужно строить! Нужник, понимаешь, нужно!» А debil, прущий бревно навстречу, тоже кричит: «Пошёл ты в нужник со своим нужно, мне нужнее, у меня стены не стоят, стены лежат! Окладной венец нужен. А у тебя нужник!»

И им не договориться. Оба в сжатые сроки поставлены и понимают, что дармовая помощь, вот, сегодня или, вот, завтра кончится и тогда всё, тогда всё самому и нужник, и окладный венец. В результате вместо мирного строительства мировая война. Пришлось из одной дивчины и себя любимого барончику светофор изобрести, то в бухту дорогу открывая, то в лес за брёвнами.

Всего семей переселенцев двадцать одна. Плюс остаются им помогать сроком на один год семнадцать ушкуйников и плюс тоже на один год остаётся рулить процессом приживания русской колонии в канадскую землю староста Кеммерна Георг. Для каждой семьи решили построить дом, для новгородских и псковских викингов две большие казармы и плюсом сельсовет с парткомом, оружейную и комнату для старосты в одном большом доме, где Георгу и предстоит зимовать в гордом одиночестве.

А стены? А башни? А ворота с барбаканом?

ВОТ!!!

После радостной встречи с маленьким заблудившимся катамараном все четыре корабля двинулись на юго-запад. По дороге пытались сначала заходить в каждую бухту, разыскивая подходящую, но в основном это были фиорды. Проходы в скалах заканчивались просто стенами или скалами высотой иногда в сони метров. А если и были бухты, то маленькие и берег тоже скалистый. Иногда попадались небольшие пляжи галечные, но дальше опять поднималась стена скал, пусть даже и заросших травой и деревьями. Дом на таких террасах ещё можно построить, а вот для огородов и тем более полей под злаковые точно нет места.

Эту бухту они тоже обследовали. Иоганн её на карандаш в числе пригодных взял, отметил в блокноте... нет, не координаты и даже не контур берега. Чего тут, скалы и скалы, как одни

от других отличить? Отметил путь в километрах, вычисленных по показаниям лага, ну и по ориентирам приметным. С километрами всё так себе. И очень, и очень неточно. Скорость ещё посчитать можно, там всего-то до пятнадцати досчитать надо, ну и пульс считать для проверки. Известно же, что произношение двузначного числа равно секунде. Вот и начинали отсчёт пятнадцати секунд с двадцати одного, а не с одного. И до тридцати пяти. Потом с пульсом сравнивали и средний брали за пятнадцать секунд. Ну, это скорость, и Иоганн надеялся, что её более-менее правильно считают. А вот часы? Нужно тоже считать двухзначными цифрами, но час это 3600 секунд. Когда произносишь: «три тысячи пятьсот девяносто девять», то это уже не секунда. Потому считали сотнями Егорка с Андрейкой по очереди и цифры в блокнотик заносили. Как тридцать шесть сотен набирали, так и менялись, значит, час прошёл.

К вечеру Иоганн почувствовал, что что-то не так. Они по-прежнему шли вдоль берега, выискивая бухту. День почти ясный, только редкие облака по небу пробегают. Тепло, солнце светит, птички чирикают... птички хохочут, чириканьем обозвать гогот чаек можно только под коксом. Так идут они на юго-запад и вдруг почти севшее солнце, уже коснувшееся горизонта, оказывается у них прямо по курсу.

– Бруно, взгляни-ка на компас, чего-то мне кажется, что мы не туда плывём, – почесав репу нестриженную, окликнул капитана барончик.

– Так я уже давненько тебе кричу... туда, – пожал плечами Автобус.

Ясно, что парень выгнал из вороньего гнезда вперёдсмотрящего и сам целый день там просидел, вглядываясь в неведомые берега. А за шумом ветра и криком чаек и альбатросов вполне мог и не услышать. Ну, или задумался о вечном.

Назад ведь умудриться нужно повернуть при северо-западном ветре. Так и темнеет прямо на глазах. Это не их север, тут на такой широте от касания солнцем горизонта до темноты и часа не проходит.

Пришлось, как только все четыре катамарана повернули, разбредшись по морю, и опять собрались у берега, вставать на якорь. На устроенном совещании, путем перекрикивания чаек, решили идти в ту последнюю удобную бухту.

Событие второе

Утром опять разразилась хорошая погода. Бескрайнее голубое небо и только пара барашков по нему путешествует им навстречу. Пришлось отходить от берега, почти теряя его из вида, и заходить дальше ориентира, чтобы потом вернуться опять к выбранной бухте. При повторном обследовании она Иоганну ещё больше понравилась. Во-первых, она длинная, во-вторых, пляж и ровная поверхность в конце бухты довольно большую площадь занимают, а вот всё остальное – это очень крутые склоны, поросшие елью и различным кустарником, а за пляжем берег начинает резко подниматься уже голыми скалами, и в них только один проход извилистый, градусов под тридцать и шириною от метра до двух, взбирающийся на высоты вдоль бухты.

Если в этом месте поставить ворота, перегородив проход полностью, то легко попасть на пляж ни у кого кроме птиц не выйдет. Можно спуститься по склону градусов в шестьдесят в других местах бухты или даже залива, размеры-то приличные, но это не тривиальная задача, обязательно верёвка длинная и надёжная нужна, и потом, всего пара вышек с каждой стороны пляжа легко защитят посёлок.

При осмотре пляжа и как бы его продолжения, заросшего лесом и кустарником, Иоганн примерно оценил высоту прилива в полметра. Ничего страшного, не должно заливать огороды у переселенцев. Пляж дальше поднимался под углом примерно в десять градусов метров на семьсот – восемьсот, а потом сразу скалы, и в них эта расщелина проход. Шириною же пляж

вместе с относительно плоским участком был километра полтора, возможно чуть меньше, а потом на глазах прямо сужался поджимаемый скалами. Примерно квадратный километр. Ну уж для двадцати семей точно места хватит. Это десять тысяч соток. Бери сколько потянешь обработать.

Лес на пляже не настоящий. Он такими островками еловыми, а вокруг всякие знакомые и незнакомые кусты, та же арония есть, из которой Мичурин потом черноплодную рябину выведет. Шиповник с огромными цветами. Клен не деревьями, а кустами, растущий. Ну и всякие уже не особо понятные.

– Так, господа – мужики, – собрав переселенцев, толкнул им речь барончик, – давайте здесь у своего жилья мы эти островки елей сохраним. Кусты вырубайте, сколько нужно под дом и огород, а деревья не трогайте пока. Я не знаю, что тут творится весной, когда с этих скал и склонов потекут ручьи, но думаю, что если мы всю растительность тут сведём, то почву просто смоем ручьями в море. И я думаю, что нужно будет прилично земли перелопатить, чтобы террасы создать. Ну, это после того, как весну переживёте. А пока договоримся... – Иоганн осмотрел молодёжь, нда, это он погорячился, нужно было несколько опытных мужиков с семьями взять. Выживут ли эти... юнаки одни без аксакалов. – А пока договоримся, – повторил он, – деревья и кусты здесь на пляже рубить до весны только в самом крайнем случае. Я прошёл по расщелине вверх. Там отличный еловый лес и есть сосны. Вот там брёвна на дома и хоз постройки и будем заготавливать. Далековато... Лошадей нет, придётся на себе тащить. Но деревья здесь нужно сохранить. Мы все вместе около месяца на вас поработаем. Должны с переноской брёвен справиться.

После этого Иоганн решил в демократию поиграть и отправил всех переселенцев подыскать себе место под дом. Щассс! Ни хрена демократия не работает. Драк не было, так как с каждой парой рядом шёл новик или ушкуйник, или моряк, все люди здоровые и вооружённые, и при них драку затевать парни не стали, может и оплеуху сопровождающий выписать, под жопу пнуть ещё может. Ну, это драк не возникло, а вот ругани полно... Сто пятьсот процентов барончик и сам виноват. Там с гор стекает два ручья, так все захотели рядом с ними своё жильё поставить. Действительно, что за радость воду издалека таскать.

Пришлось вмешаться. Отправил народ посчитать длину этих ручьёв. Сколько вдоль них влезет участков с огородом соток в двадцать. Посчитали, всем хватило. Но вместо одного села получилось два. Барончик ухо почесал. Хорошо это или плохо. С точки зрения обороны... Нет, нельзя. Если индейцы нападут, то вместе защищаться сподручнее. А с точки зрения освоения территории, подготовки пашни под озимые, конечно, лучше подальше друг от друга, чтобы было куда расширяться.

Расстояние между ручьями метром восемьсот. Пока добежишь и укроешься у соседей, опытный лучник десяток человек положит. А считать индейцев неопытными не стоит. Лучше переоценить врага, чем недооценить. Ясно, что Гойко Митич с его акробатическими трюками – это не индеец, а югославский гимнаст, но уж совсем за криворуких местных индейцев считать нельзя. Они охотой живут. Оленей этих как-то добывают. М... Название ещё индейское такое... Иоганн задумался. Точно! Олень – карибу. Карибские острова – это же где-то тоже в Америке.

Решили всё же одну деревню пока строить. Двенадцать домов для переселенцев с одной стороны ручья или небольшой речушки и двенадцать с другой. Один для старосты Георга. Ну и по две казармы для викингов русских. Решил Иоганн, что лучше казармы поменьше делать, а то не протопить будет. Пусть такие же дома обычные будут. Дом из стандартных брёвен шесть на шесть, для молодой семьи из двух человек хватит, потом, по мере роста семьи могут пристрой со второй печью соорудить себе.

Так чтобы все с радостью бросились рубить ели и строить дома поселенцам, так нет. Но дисциплина есть. Опять же сам барончик пару раз топором махнул, а потом светофор построил.

Рубили не все. Десять человек копали огороды. Середина июня и рожь всякую сажать поздно, как и свеклу с морковью, хотя посадить на пробу немного можно. Зато горох точно вырасти успеет и урожай даст. Репа и редька тоже успеют вырасти. Под всё это землю нужно подготовить, кусты вырубить и выкорчевать, а потом сжечь вместе с еловыми ветвями, остающимися после заготовки брёвен. Других удобрений пока нет, только зола. Навоз ещё не скоро в промышленных количествах появится.

Событие третье

– Да, не менжуйся, Иван Федорович, справимся мы.

– Вся ведь надежда на рыбу.

– Дак спытаем. Завтра одни выходим на промысел, – Фёдор по прозвищу «Хрип» – один из старших у ушкуйников, стоял рядом с лодкой, вытасченной на берег, и тыкал сарделькой, что ему заменяла указательный палец, в «Ра». Катамаран покачивался на слабой волне в десяти метрах от берега. Здесь глубина в этом конце бухты была небольшая. Самый настоящий пляж. Можно долго заходить, пока тебя с головой не скроет. Из-за этого, кстати, и вода у берега вполне прогрелась. В конце дня практически в полном составе народ купался, чтобы пот смыть с себя, а потом окатывал друг дружку из вёдер с пресной водой, принесённой из втекающего в море неподалёку ручья, названного «Синим» из-за того, что серо-синие камни, лежащие на дне и взаправду воду синей делали. Он же дал и название новой русской деревне «Синюха».

Разговор зашёл у барончика с викингами русского разлива о том, что может поговорить с моряками и оставить пару человек на зимовку. После того как закончат строить дома, колонисты должны были приступить к заготовке рыбы на зиму. Солить в освободившихся бочках и коптить. Ольху они нашли на острове и теперь получается, что часть трески, которой тут и правда кишит море, можно заготовить на зиму горячим и холодным копчением. А ушкуйники отмахнулись все вместе и каждый в отдельности, мол, чего ты переживаешь, боярич, справимся мы и с управлением катамаранами и с ловлей рыбы, не привыкать, опять же за трёхнедельное плавание по морю океяну и во время плавания до Англии из Риги моряков подменяли новгородцы и псковичи регулярно и не потому, что скучно было без дела сидеть, но и по программе, что Иоганн для них составил. Должны были и управление катамаранами освоить и из огнестрельных штук разных палить. Им ведь и пушки оставляли деревянные, целых десять стволов, и пищаль на каждого и по пистолю. Ну и порох почти весь. Иоганн лишь немного на пару выстрелов себе на обратный путь оставлял. Надеялся в Англии в Плимуте или Портсмуте купить. Ну, а нет, так в Голландии или Дании поискать. Из Европы же купцы огненное зелье в Ригу привозят и продают в втридорога. Вот и хотел попытаться сэкономить барончик.

Рыбу коптить уже попробовали. Трески в море столько, что рыбин размером меньше семидесяти – восьмидесяти сантиметров назад в море выбрасывали. Чего с полуметровой мелочью возиться. Рыбу варили, жарили на углях и в двух сковородах огромных медных, что купили в Плимуте. В этих же сковородах попробовали и соль натриевую из морской воды выпаривать. Выпарить-то выпарили, только при этом столько истратили еловых веток, что делай они это на обычных дровах, то разорились бы.

А вот сейчас это стало даже плюсом, и мусор на вырубках весь подобрали и золы для удобрения полей и огородов прилично нажгли, не жалея слоём сыпали перед перекопкой.

Копали огороды обычной железной лопатой. Всего их две на каждую переселенческую семью. Сорок две штуки. Их Иоганн за очень дорого заказал кузницам в Риге из лучшего шведского железа. Потом проверяли несколько дней, работая на приусадебном поле баронства,

где Иоганн пробовал вывести более оранжевую и более крупную морковь. Тогда отбраковали почти половину, то гнётся, то наоборот – ломается. И вот тут набросились на целину и уже три лопаты опять сломали. Такими темпами к тому моменту, как они на следующий год приплывут, у переселенцев все лопаты переломаются. Кузнец есть и наковальню, и молоты разные, и всякие другие кузнечные приспособы, в том числе и несколько ручных и ножных мехов, с собой привезли, но и кузнец только-только учиться у Угнисоса начал, и подозревал Иван Фёдорович, что раз лопата сломалась, то больше вина не кузнеца, а в металле дело. Науглерожен больше нормы. Тут уж кузнец недоучка вряд ли сможет из двух плохих половинок сковать одну хорошую.

Не только ведь работу работали, три раза за две прошедшие с высадки недели Иоганн с Андрейкой и Егоркой, увешанные оружием, выходили по ущелью на большую землю на разведку и поохотиться, и каждый раз приходилось назад добычу доставлять на волокушах, столько в окрестностях было зверья.

Попался два раза тот самый лесной карибу. (Мигрирующий лесной карибу). Самый обычный северный олень, каких Иван Фёдорович видел по телевизору, когда показывали всякие сюжеты про оленеводов крайнего севера. Вблизи-то в будущем видеть не довелось. Еще Андрейка подстрелили из лука, и они потом добились из трёх пистолей медведя. Медведь был чёрный и небольшой. Наверное, порода такая мелкая (Чёрный медведь ньюфаундленда). Килограмм сто пятьдесят всего. В каждой речке и каждом мелком озерце, которых тут было пропасть сколько, водились совершенно непуганные бобры. Их в основном и притаскивали на волокушах. Видели горностая, но летних мехов дешёво и бить его не стали. Кроме того, из куньих повстречали крупную куницу (Ньюфаундлендская сосновая куница). Егорка из лука подстрелил охотящуюся на зайца рысь. А потом и сами пару зайцев добыли. (Арктический заяц). Сам Иоганн из карамультука подстрелил лисицу. На вид лиса, как лиса.

А вот следы людей им повстречались только один раз. На берегу довольно большого, длинного, так уж точно, озера, где они добыли трёх очень крупных бобров, им попался след старого костра. Совсем старого, скорее всего, прошлогоднего, так как они его еле углядели сквозь начавшую прорастать траву.

Глава 2

Событие четвёртое

Дни летели, как всегда, когда времени не хватает, раз и июнь кончился, бамс и июль подходит к концу. Иоганну всё казалось, что они ничего не успевают, и всё делают очень медленно. А ещё, за что бы не взялись сразу оказывается, что чего-нибудь обязательно нет, забыли или не догадались взять. Плохо подготовились... Он плохо подготовился, нечего свою вину на других перекладывать. Например, поспела в лесу черника или похожая на неё ягода, и неплохо бы её заготовить на зиму, как делали в баронстве, заливая мёдом. А мёда почти не взяли, так, пару бочонков в дорогу. Нет, сто процентов, что тут полно пчёл, даже не так, пчёл все видели, они над цветами кружили, но среди поселенцев и тех, кто уплывает назад не было ни одного бортника. А ведь мог и о мёде, и о бортнике подумать. Потом то же самое произошло с дикой малиной. И ту, и другую ягоду, попробовали сушить, но налетело столько ос, что пришлось убирать их из недостроенного посёлка в лес, а там на них набросились стаи птиц. В результате, Иоганн приказал бросить этим заниматься. Время на сбор ушло много, а толку пшик один. Пшик был несъедобным – ягоды попеременно с птичьими какашками.

А ещё возникли проблемы с изготовлением кирпича. Глину-то быстро нашли. Обычная рыжая, ясно, что специально белой каолиновой им никто не подсунет, да ещё прямо в центре поселения. Возможно она где-то и есть, но это искать надо. Ну, глину нашли, а вот песка нет. Вообще. Специально копались на всей низинной части, облюбованной ими долины, и даже все партии охотников, отправляемые на верх, брали с собой лопаты и ковыряли землю, и ничего.

Попробовали делать кирпичи из одной глины и получился ожидаемый результат. Уже при высыхании они начинали трескаться и шелушиться. Как из таких печи строить? Иван Фёдорович, как строитель, помнил из лекций в институте про тощие и жирные глины и про то, что в тощих глинах уже песка достаточно, но ничего это не давало. Где бы они не копали, глина везде была одинаковая.

В итоге, постройка обычной кухонной печи превращалась в квест, из высушенных на солнце кирпичей собирали печь и разводили огонь. Кирпичи начинали трескаться. Трещины замазывали глиной, и печь трескалась в другом месте, опять замазывали.

Пробовали от скал отламывать камни и строить печи из них, но камни тоже трескались при остывании печи.

Уже в середине июля, когда барончик отчаялся и думал ограничиться обычными очагами в домах, охотники принесли с берега того озера, где они видели следы индейского костра глину, которая подошла. Она была светло-рыжая и кирпичи, изготовленные на пробу, почти не трескались. Видимо вот такая и есть тощая. А может ещё и то помогло, что Иоганн додумался добавить в глину немного золы. Вспомнил про шлакоблоки. Нет, ясно, что кирпич для стен и кирпич для печей, разный, но решил попробовать, или это память опять из студенческих лет подсказала. Был какой-нибудь зачёт про составы смесей для изготовления кирпичей. Так-то в институте целый факультет был «Технология Силикатов», вот там точно нужные ему сейчас знания преподавали, но, как всегда, не на того учился.

Пятнадцатого июля начали собираться в обратную дорогу. Иоганн обошёл уже почти готовый посёлок. На обоих берегах ручья или речушки «Синей» стоит по тринадцать домов, на расстоянии примерно сорок метров один от другого, и чуть отдельно белеет свежим деревом большой дом старосты Георга и заодно оружейная и клуб. Да, пока не так красиво, как хотелось, ни тебе резных наличников, конька на крыше вычурного, ни даже обычного крыльца с

балясинами, как у всех в баронстве, и двор пустой у всех. Нет коровника, нет конюшни. Никаких овинов с ригами. Только одинокие кабинки нужников торчат.

Коз и баранов распределили по жребию. И пока только у двух домов пристрой есть из небольших сараев, куда этих животных загоняют. Как понял Иоганн, из расспросов крестьян, время беременности у коз пять месяцев, и если к июню прибавить, то получится зима, он стал дальше пытаться счастливых обладателей козьего семейства и оказалось, что зря переживает – зимний окот обычное дело у коз, и наоборот, предпочтителен, так как козлята получаются крепче, закалённее, главное не пропустить сам окот, а то новорождённый козлёнок может замёрзнуть.

– Та мы всем миром к тому времени дежурство установим, каждую ночь кто-нибудь будет дежурить, – заверил его Игнат, вытащивший короткую палочку при жеребьёвке.

По овцам оказалось всё то же самое – пять месяцев беременности и окот зимой – обычное дело, тоже, главное не прокараулить. Но и здесь переселенцы уже договорились о дежурстве, когда время подойдёт.

При первых родах козы и овцы обычно приносят одного козлёнка, потом и по два, и по три, бывает, а живут они лет по пятнадцать, так что даже если Иоганн и не сможет больше их привезти, то они естественным путем лет за десять – пятнадцать размножатся так, что всем хватит.

Свиней тоже разделили, вытаскивая длинные и короткие палочки. Их привезли семь свинок и одного кабанчика, ну кабанчиком пока эту штуку назвать рано, так, небольшой подсвинок. Вырастет и будет в гости к подругам заходить. Ну, тут с рождением поросят зимой заморачиваться не надо. Их купили двухмесячными примерно, а половозрелость наступает месяцев в десять, да три месяца длится беременность, так что приплод ожидается уже летом на следующий год.

Лучше всего дело обстояло с курицами. Их и сразу-то было двенадцать штук, и сейчас все они уже высидели яйца, и цыплята есть в каждом семействе переселенцев. Так что после нужников все начали во дворах обустраивать курятники.

Чего не было в новом поселении, так это лая собак, Иоганн их недолго любил, да и из рациональных соображений в первый год они тут не нужны, в первый год нужно тупо выжить и приспособиться к местным условиям.

Событие пятое

Рано или поздно это должно было произойти. При этом Иван Фёдорович помнил, что остров Ньюфаундленд разделён на две неравные части, одна размером с целую Венгрию, а вторая гораздо меньше. А разделяет эти две части очень узкий перешеек. Есть на новом острове «Буяне» свой Перекоп, как в Крыму. И они именно в этой малой части поселились, которая за перешейком. Исходя из того, что этот полуостров, выбранный ими, составляет десятую часть площади острова «Буяна», а всё население его, если Иоганн не путает, было до колонизации белыми две тысячи индейцев, то на этом кусочке их должно быть не более двухсот человек. Десять тысяч квадратных километров и двести человек. По пятьдесят квадратных километров на человек. Есть, где кочевым, явно ещё племенам, ходить-кочевать. Не должны они особо часто в эти места забредать. Тем не менее, встреча двух народов состоялась. И барончик был её участником. Всё тем же составом с Андрейкой и Егоркой они пошли опять к длинному озеру, где видели следы от костра. Только костёр на южной части острова, а глину брали на северной. Дым они почувствовали издалека. Так уж получилось, что они с юга туда шли, а ветер целый месяц, как дул с северо-запада, так и продолжал дуть, создавалось такое впечатление, что тут вообще других ветров не бывает.

Пошли уже сторожко дальше, перебегая от ели к ели и пригибаясь. Сначала двигался Андрейка, как главный диверсант, а уже следом, когда он их рукой подзывал, трусили Иоганн и Егорка. Даже если у индейцев есть с собой собака, то она не смогла бы их почуять, всё же старались чётко с подветренной стороны заходить. Что это именно индейцы можно было не сомневаться, точно не наглы, те сюда ещё дорогу не знают. Иоганн по дороге старался вспомнить, а знает ли он какие-нибудь слова из языка индейцев. Вспомнил: скво, вигвам, мокасины, томогавк... тотем, вроде тоже индейское, хотя может и от чукчей пришло. А вот лодка? Ай. Ага. Каяк. Ещё есть слово «хаски», у зятя Ивана Фёдоровича была такая собака, и он как-то говорил, что это не название собаки, а название племени у эскимосов, как и маламут, тоже название людей перешло на собаку.

Всё, на этом скудный словарный запас заканчивался. При этом на огромном Североамериканском континенте жили сотни племён, и у каждого был свой язык, и эти слова, которые он вспомнил, явно из языка гораздо более южных индейцев, Сиу, там, или Ирокезов с Гуронами и Делаварами.

Между тем индейцы охранения не выставили, и собак у них не оказалось, вообще, вели себя эти охотники очень беспечно. Они сидели у воды и обдирали шкуры впятером с оленя и лисы. Один при этом уже жарил кусок приличный такой мяса, срезанного с ноги оленя.

Не, ну, так-то понятно, им на этом острове нечего бояться, никаких чужих здесь не бывает. Все родичи. Все вышли из одного маленького племени, выгнанного с материка более сильным. Опять-таки эти товарищи на вершине пищевой цепочки, даже этот мелкий местный мишка, больше на собаку похожий, и тот их стороной обходит. Он один и вымыт, а этих вон пятеро, и от них воняет несвежим жиром, которым они на себе все доступные и труднодоступные места намазали... нда, в общем, воняет так, что глаза у Иоганна слезиться начали, когда они к ним метров на пятнадцать подошли и за изгородью из нескольких молодых ёлочек притаились. Если раньше он думал, что ничего противнее конского пота просто существовать не может, то теперь, шалишь. Для этих товарищей можно из конского пота, смешанного с конской мочой, мужские духи делать. А можно и женские, чуть пропорции изменив. Воняло чем-то кисло протухшим и поверх аромат гниющей рыбы.

Иоганн сидел за елью и между лап рассматривал индейцев. Эти точно на Гойко Митича не походили. Ни тебе носа горбатого, ни тебе гладковыбритого подбородка. У этих были раскосые глаза, явно с чукчами в родстве, и носы были скорее приплюснуты. А вот на подбородках имелась борода не борода, но три – четыре чёрных жирных волосинки было. А лица были вымазаны охрой, как и волосы на голове. Одежда была кожаная, никаких перьев, никаких белых орлов не нарисовано или вышито. Имелись непонятные штрихи вроде пиктограмм, нанесённые всё той же охрой.

Охра – это прокалённая рыжая глина, скорее всего, с жиром и водой смешанная. Одежда не сшита нитками, она соединена полосками кожи, просунутыми в дырочки. Кое-где дырочки порвались, и у сидящего к ним спиной у костра воина или охотника, правильнее, один рукав на куртке еле держался. Не, ну, может это для вентиляции подмышек сделано. Хотя...

Барончик думал, сидя за елочками, нужно ли устраивать встречу или уйти по-английски. А если устраивать, то, как себя вести. Запугать? Сразу шмальнуть по одному из карамулькута? Или дары им преподнести? Есть ведь у них при себе несколько ножей. Да и куртку можно дать, у неё хоть рукав не оторван. Правда размер великоват будет. Индейцы были мелкие. Не больше, чем метр шестьдесят самый высокий. Мелкие и тощие. А Андрейка под метр восемьдесят пять ростом и в плечах сажень. Егорка чуть поуже в кости и ниже на пару сантиметров, но по сравнению с этими тоже гигант. Сам же Иоганн сейчас где-то метр семьдесят пять, может семьдесят восемь. Так ему только зимой пятнадцать лет будет, и он точно вырастет не меньше брата Гришки, будет великаном больше сына Перуна. И в плечах тоже догонит. Уже раздаваться начал. Так что куртки с их плеча местным за плащ сойдут.

Событие шестое

– Выходим, – прошептал новикам барончик, всё же решившись показаться местным, и встал во весь рост. Он отодвинул ветку ели, что перегораживала дорогу, и шагнул на берег озера. Индейцы всё ещё их не видели, они втроем сейчас сидели спинами к пришельцам, а двое были заняты разговором и сперва на появившихся из-за елей новых действующих лиц не обратили внимание, не замечали.

– Салам Алейкум. Здравеньки булы. Как ночевали?! Гутен таг, фроинды. Аве, цезари. Good afternoon (добрый день).

А чего, вдруг кто и знает какой язык. Не молча же выходить.

Цезари подорвались. Один при этом нырнул в кусты... Нырнул – это правильное слово. Как в воду ныряют. Рыбкой. Кусты затрещали, ломались ветки, потом просто зашуршали, ныряльщик дальше сквозь них явно полз. Ещё один схватился за костяной нож, до этого он им от куска мяса отрезал полоски и раздавал сотрапезникам. Или главный, или повар.

Остальные просто привстали, в таком полуприседе пребывая. «Ку» изображали видимо.

– Я пришёл к вам с миром, мои рыжие братья! Томогавки войны не будем выкапывать. Фройншафт. Дружба. Мир. Пис. Жвачка.

Ничего не поменялось. Прыгун шуршал в кустах, повар стоял с ножом в руке, а троица четлан или пацаков продолжала кушать.

Иоганн шагнул вперёд и руки вверх поднял, а потом к ним, к пацакам, протянул, показывая, что в них нет оружия. Оружия у него так-то было не мало. На поясе была кобура с пистолем, но им быстро не воспользуешься. Он заряжен, но нужно на полку порох насыпать. Ещё кинжал висел в ножнах. Лезвие сантиметров пятьдесят. Можно и маленьким мечом назвать. Карамультик он оставил за ёлкой. А вот Андрейка и Егорка вышли с луками в руках, и с наложенной уже на тетиву стрелой. Стрела пока в землю смотрит, но тут пороха не надо и секунды хватит, чтобы эту стрелу в чёрный глаз хозяев острова «Буян» отправить. На поясе у обоих тоже пистолы заряженные. Ну, тренировались. Секунды три надо, чтобы порох насыпать на полку, и замок привести во взведённое положение. Замки теперь у всех кремнёвые, возиться с фитилём не надо. Сорвал берендейку, вырвал зубами пробку, и сыпанул зелье на полку. Вторая рука в это время взводит курок.

Кем бы ни был прыгун, но он мирные переговоры сорвал. Оказывается, он не мастерство акробатическое демонстрировал и даже не труса праздновал, он летел и полз к луку, который оставил под большой сосной. Сосна, кстати, примечательная и Иоганн знал даже как называется. Точнее знал Иван Фёдорович. У него на участке на даче росли три Веймутов сосны. Это дерево очень на кедр похожее, но без кедровых шишек. Длинные иглы по пять иголок в пучке, а не по две, как у обычной сосны, и крона тоже как у кедра такой яйцевидной формы. Покупая её в интернет-магазине, Иван Фёдорович прочитал, что родом она как раз с Канады и Ньюфаундленда. Сейчас уже для интродукции в баронство семян набрали и несколько небольших сосенок выкопали и в горшочки посадили, как и кустик аронии.

Дополз рыжекожий до края елок и со всех ног бросился к сосне. Схватил лук, наложил стрелу и, не раздумывая, послал её и Иоганна.

Не, не Гойко Митич, все это настолько медленно происходило, что барончик спокойно отпрянул назад, стрелу мимо пропуская. Рыжему бы уняться, жесты всякие миролюбивые пришельцы показывают, но нет, он схватил из колчана у дерева вторую стрелу и опять стал натягивать тетиву.

Бжик. Андрейка его опередил, при этом, как и договорились предварительно, когда к лагерю индейцев пробирались, не убил, а только ранил в руку, чтобы тот с оружием не баловался. Не Гойко Митич заорал и, упав, стал по земле кататься красивые люпины ломая. А где

стойкость?! Как там они у столба пыток стоят и молчат. Всё напридумывала та немка из ГДР, что про индейцев сказки писала. Лизелота какая-то. Это послужило началом атаки оставшейся четвёрки. У всех сразу костяные ножи в руках оказались, и они с высокого старта бросились на новиков и барончика. Всё, игры в добрых бородатых богов пришельцев кончились. Егорка выстрелил из лука в плечо ближайшему и дёрнулся за следующей стрелой. В это время барончик, не слишком и торопясь, вынул кинжал из ножен и выставил перед собой. Тот самый товарищ, что первый нож достал, попытался сделать выпад, нацелившись в горло парню, но длина рук разная, длина оружия разная, учителя же совсем уж разные, ну, и не воин этот охотник, не умеет он драться. Иоганн просто наколот повара на вертел. А точнее, проткнул ему плечо той самой руки, что к нему тянулась. А потом вытянул кинжал из аборигена и гардой ему по физиономии впечатал.

Сын Перуна за это время успел два раза выстрелить. И всё, рыжекожие кончились. Не, красным этот цвет можно только с бодуна назвать. Чтобы охра стала красной... ну, кирпичной, по крайней мере, те соединения железа в глине нужно прокалить до температуры более тысячи градусов. Нет таких температур у аборигенов. Они не знакомы с железными орудиями или оружием. Медь? Ну, там у ацтеков и майя есть и золотые украшения и медное оружие, но это там на цивилизованном юге, а здесь, на севере, самый настоящий каменный век. Никаких томагавков железных. Только ужасные костяные топоры, жилами животных примотанные к плохообработанной палке.

Иоганн страховал новиков, а те по очереди обезоружили подранков и стали им руки за спиной вязать. Попытавшегося опять уползти прыгуна Егорка в три прыжка догнал и пнув по печени успокоил на время.

Глава 3

Событие седьмое

*«У нас нет ружей, но томагавки в наших руках страшнее пуль!!!»
Чингачгук – Большой змей.*

Мысль была у Иоганна. Можно и мечтою назвать. Такая... про светлое будущее. Про мир, дружбу, жвачку. Сказывалось коммунистическое воспитание в СССР. Все люди братья, все мирно живут и коммунизм строят. За десятилетия жизни после развала СССР и трёх лет жизни в средневековье это коммунистическое воспитание практически выветрилось. Взяли шампанское налили в фужер, а потом долго болтали в нём вилок. И нет больше пузырьков, просто кислятина осталась. Но иногда мысли из той поры появлялись. Вот, одна из них пришла в то время, как они в прошлый раз заметили след от костра аборигенов острова «Буяна» у этого озера.

Мысль была такая... М... Вот о реализации барончик не подумал. Ладно, пусть будет так, за железные ножи и топоры купить у местных индейцев несколько молодых девушек и поженить их с желающими осесть здесь ушкуйниками. В глазах-то стояла вполне себе привлекательная индианка (индейка?) из фильмов про Ульзану с Гойко Митичем. Или прекрасная дикарка из фильма «За миллион лет до нашей эры».

И вот теперь, глядя на изрыгающих проклятия и угрозы на их головы, связанных индейцев, Иоганн, во-первых, сильно усомнился в красоте их девушек (индеек этих), а, во-вторых, понял, что мира и жвачки не будет. В этом мире есть либо подчинение, либо истребление. А как же Сибирь? Так в Сибири казаки и всякие другие первопроходцы и облагали местных данью. Пушниной. Мягкой рухлядью. Жвачкой там и не пахло. Что-то не гуляют сейчас вогулы по Екатеринбург.

Тем не менее, надежда всё ещё, осуществить эту несбыточную мечту, осталась у барончика. И чтобы её воплотить в жизнь, нужно доставить раненых в посёлок и вылечить их. А то ведь с мёртвыми тяжело переговоры вести. Молчат, собаки. Некромант нужен. Так не прислали. Потому, нужно попытаться вылечить аборигенов.

– Ой, неправильно это, Иоганн, нельзя показывать им наше селение. Они потом набег на него устроят.

Чуть не хором стали отговаривать новики барончика мечтателя.

– Так я хочу с ними договориться, чтобы жить в мире, покупать у них шкурки, зря мы что ли сюда кучу ножей и топоров волокли?! – не хотел лишаться иллюзий Иоганн. Не, ну среди кореенок или там тувинок полно красивых девушек. Да, красота другая, не русские девушки с толстой косой до колен, но есть ведь. Кому и кобыла невеста. Опять же, как-то договаривались французы или англичане с гурунами, а испанцы крестили индейцев и жили с ними в мире на целом континенте сотни лет.

Девушки, живя в русском поселении, выучат русский, а к ним специально приставленный, обучаемый, ушкуйник начнёт хоть немного гутарить на местном. Глядишь, и не придётся воевать, торговлю удастся вместо войны наладить. Устройство закрытых городков-крепостей и содержание армии, ну, даже стражи, это не дешёвое удовольствие, и, главное, требует огромного количества человеко-часов, которые можно на что полезное потратить.

– Нельзя их всё одно к нам вести! – уперся рогом Андрейка.

Может новик и прав? Блин, это ведь их последний поход. Иоганн решил пройтись до озера, там на берегу болотце одно есть, и на нём он видел в прошлый раз волосинки с мелкими

листочками – кустики клюквы, а Иван Фёдорович помнил огромные ягоды канадской клюквы, продаваемые в магазинах в будущем. Там ягоды так ягоды, их кусать можно. Хотелось выкопать немного и к себе перевести, в болота у озера на своих землях посадить. В этом же болоте, вернее, уже рядом с ним, на камнях на берегу, росли другие ягоды, они уже начали созревать и походили на чернику или голубику, но само растение было другим, листья похожи на хвоинки, а само растение – на карликовую ёлочку. Иоганн мог и ошибаться, но кажется это растение называлось шикшей или водяникой. Его тоже хотелось пересадить к себе в баронство, где-нибудь тоже вблизи озера. За этими двумя ягодами сюда и пёрлись километров двенадцать, а то и больше. Но это налегке. А как пятерых раненых заставить столько идти или тащить их. Далековато. Возможно Андрейка и прав, не нужно им показывать эту бухту. Лучше сюда привести лекарей и принести топоры и ножи для обмена.

– Хорошо. Мы с Егоркой тут покараулим этих товарищей, а ты, хлопчик, давай бегом в селение... только это... в общем, Андрейка, ты следы запутай, не на прямую беги, а вкруголя и по камням, где пройдишь, и по ручью, чтобы следов не оставлять. Приведи Алену и новгородского ушкуйника Демида, он у них, сам знаешь, за лекаря в отряде. С ранами точно умеет обходиться, по крайней мере, хвастал, что всякие мази лечебные волшебные у него есть. Пусть их захватит. А ты возьми несколько ножей и топоров, что привезли на обмен и... – Иоганн задумался. А как общаться с индейцами, как объяснить им на что меняться пришельцы хотя, – Ага. Возьми несколько шкурок с собой с бобра и куницы, что сняли, и возьми из моей палатки блокнот и карандаш свинцовый. Рисовать им буду наши хотелки.

– Назад тоже с лекарями следы путать?

– Станный вопрос. А, ты про ручей? ну, пусть Демид Алену на руках несёт или ты, или по очереди. А так, конечно, путай.

Андрейка на глазах у всё ещё рычащих и изрыгающих проклятие пленников пошёл не на юг, к их бухте, а на северо-восток, почти в противоположном направлении. Барончик с Егоркой проверили, как связаны пленники, еще раз перетянули раны тряпицами из имеющихся у всех мед. пакетов, и Иоганн пошёл к облюбованному болотцу, выкапывать клюкву и водянику, оставив новика одного следить за индейцами. Справится. Все пятеро связаны по рукам и ногам, и руки ещё и попарно связаны у четверых, а пятый, которому Иоганн плечо насквозь кинжалом пропорол и без этих страховок далеко не уйдёт, может и не жилец. Лежит и стонет с закрытыми глазами. Претворяется? Да, даже если и претворяется, то ничего страшного, Егорка один из лучших лучников в баронстве, а, следовательно, и на планете. Так, как у него в баронстве, точно нигде больше не учат. Чтобы тренировки по восемь часов в день. Никто себе такого точно позволить не может.

Событие восьмое

Обрабатывали индейцев по одному. Андрейка не дурак оказался, пришёл назад не с двумя только травниками, но ещё и с тройкой, закованных в кольчугу и всякие нарукавники и наплечники и в шлемах ерихонках, новгородцами. Выбрал среди и без того здоровых товарищей самых мощных. Пусть эти дикари аборигеновые думают, что к ним прибыли гиганты с железными туловами и головами.

Двое ушкуйников держали раненого за здоровые конечности, а Алена и Демид сначала поливали раны хлебным вином, потом протирали их как следует, наносили мази, выданные бабкой Матильдой, и потом, в окончании издевательства над пленными, всякими конвенциями запрещенные, чистыми льняными бинтами заматывали.

После этого пленников, только по ногам уже связанных, посадили к озеру спиной, новики и новгородцы стали по флангам и позади Иоганна, и барончик на чистом индейском начал с ними переговоры.

– Торговать нам надо, – он тыкнул пальцем в себя и в вонючих во всех по очереди, а потом положил с их стороны шкурки, что Андрейка принёс, одну бобровую, одну куницы и одну лисью, эту он экспроприировал у переговорщиков. Они её чуть ещё с лисы не сдёрнули, не успели, и пришлось Егорке это проделать, пока Алена потчевала гостей мазями. – Вы нам шкуры. Понимаете? Рухлядь мягкую. Писец полный. А мы вам ножи, – он показал всем индейцам по очереди нож. Взял кусок палки и начал её строгать. – А ещё топоры. Вот, – на этот раз досталось не в чём ни повинной молодой елочке. Иоганн её с двух ударов перерубил.

– Иван Фёдорович, это... баловство это. Прирезать их нужно и вся недолга, – оглядывая хозяев острова из-за спины барончика, поделился своими наблюдениями Демид. – Не понимают ни бельмеса. Рожи дурные. Как есть дурни. И глаза волчьи. Чего с ними разговоры разговаривать?! Притопить в озере и всех делов.

– Ничего, сейчас пантомимой добыю.

Парень взял шкурки со стороны могикан недоделанных и перетащил их к себе поближе. А потом нож положил на то место, где шкурки лежали.

– Ферштейн? Ченч. Обмен. Мена. Ти меня понимаешь? Базар. Рынок. Фройншафт. Дружба. Соседи. Ферштейн?

Потом ещё раз для верности повторил про ченч. Шкурки сначала положил к ногам охотников, потом забрал к себе поближе и на их место положил нож.

– Ченч? А блин! Стойте. Забыл совсем.

Махнув рукой на раненых индейцев, Иоганн взял блокнот и карандашом нарисовал на листке узкоглазую корейнку – монгольской внешности. Потом он показал каждому охотнику дивчину. И почесав репу... Как бы это правильнее изобразить ничего лучшего не придумал, как положить дивчину рядом с пленниками, а потом подвинуть к себе, а на её место воткнуть в землю топор. Опять почесал репу и положил рядом ещё один, этот был не плотницкий, а именно как томагавк, Иоганн такие пытался в имении превратить в кидательное оружие. Угнисос наковал разных размеров и разных весов, соответственно, а новики швырялись ими в щиты. Но получалось так себе. Нож метательный оказался более эффективным оружием. Так что эксперименты с томагавками прекратили, но десяток таких топориков остался и барончик их с собой именно вот для этой цели и прихватил. Меняться с местными... они же пользовались томагавками в кино. Тут, правда, был нюанс. Если у них нет железа, то из чего эти Чингачгуки делали себе топорики? Не получалось. Опять ГДРовцы наврали.

Для верности Иоганн ещё раз переложил туда-сюда шкурки и нож и дивчину бурятскую и два топорика, потом встал руки в боки и уставился на индейцев узкоглазых. Теперь предстояло самое трудное. Объяснить им, где и когда будет рынок работать. Хотя на вопрос: «Где»? ответ напрашивался. Почему бы не в этом месте. Им не так далеко. И раз аборигены сюда пришли на охоту, то и им не за три девять земель переться. Пусть будет здесь. Здесь будет рынок заложен назло надменному соседу. Иоганн так и сказал им.

– Ченч будет здесь! Обмен. Базар. Базар вам нужен. Тут, – он топнул ногой по земле. Обвёл рукой индейцев и показал пальцами, как они приходят сюда. Потом ткнул в себя и показал, как он приходит и на пальцах и ногами показал. Великий мим погибает.

Решили с местом. Теперь самое сложное осталось, как определиться со временем. Барончик задумался. Луна? Полнолуние? Частые базары ведь глупо устраивать. У них ножей не миллион, а у этих шкурок не густо. Да и нафиг никому летний мех не нужен, он в разы дешевле зимнего. Особенно у куньих. Для дивчин-то без разницы. У них мех всегда одинаковый.

Можно ещё просто в днях показать? Скажем, нарисовать солнце всходит и заходит, а потом десять пальцев.

Как объяснить про полнолуние, если луны нет на небе.

– Демид, как думаешь, если им здесь через десять дней встречу назначить, нормально будет?

– А если они решат на этом обмене нас убить всех, засаду устроить? – не лекари они все пессимисты. У них работа такая. Мало людей после их лечения выживает. Привыкли к неудачам. А ушкуйник просто обязан помнить про засады. Они бы так и поступили.

– Кто вам мешает за день до обозначенного срока прийти и подготовить самим места для стрельбы из пищалей, а то и из орудия. Ну, если на самом деле эти товарищи чего задумают подлого и полезут на вас с оружием. Только их тут много быть не может. Возможно, это вообще все охотники из их племени. Здесь на острове, я же вам говорил, совсем мало народа. В общем, я им говорю... показываю, что встреча будет здесь же через десять дней. Меха не главное. Главное – женщина, да хоть одна, из их племени, чтобы она выучила наш язык и вас ему научила, чтобы переводчик был, ну и наладить торговлю вместо войны. Ясно, что мы их сильнее и оружие у нас лучше, но стрела из засады с наконечником костяным, которым ядом намазан тоже убить может. Охота тебе умирать от яда гадюки какой?

– Гадюки?

– Не знаю, есть ли тут гадюки, но яд их шаман может из чего угодно сделать. Из ягод. Может рыбы есть в море ядовитые. Фуги, например.

– Фуги? – новгородец удивлённую рожу скорчил. Ничего про ядовитых рыб он не слышал. И ядовитых змей не видел. Нет этой гадости у них на севере.

– Не о том думаешь. Десять дней нормально? Или двадцать показать. Нас в обоих случаях не будет. Самим придётся справляться.

Событие девятое

Индейцев развязали. Отряхнули. Под зад пнули. А нет. Сначала дали один нож, как образец, и, обрезав на всякий случай на луках тетиву, вернули даже оружие бедолагам. Встречу двух цивилизаций назначили через десять дней. Иоганн даже остаться хотел, чтобы посмотреть на это и поучаствовать, но осень приближалась, а осенью по Балтийскому морю лучше не шастать, шторма может и не девятибалльные, но частенько бывают, и попадать в них не хочется. Потому как удовольствие среднее. Лучше попытаться к первому сентября дома оказаться. Тем более, что обратная дорога им неизвестна. Ветер дует точно навстречу и хоть Гольфстрим вроде течёт в нужную сторону, но не плыть же в Англию по течению, спустив паруса. Придётся идти галсами, а без приборов это то ещё мероприятие. Не, мимо Европы не проскочишь, но одно дело попасть в Ла-Манш и другое к Исландии или Испании вырулить. Продуктов и пресной воды в обрез.

В общем, отплытие в родные Пенаты из-за одного базара решили не откладывать. Индейцы уходили молча, оглядывались на непонятных чужаков в... а нет у них железа, и потому, зная, что пришельцы в железе, не могли. Просто ужасные шаманы в ужасной прочной одежде. А бронзовое оружие? Не, для этого нужно олово, для этого нужна медь. Нужны оседлые поселения и металлургия. У этих всё было костяное, Иоганн проверил. Ни капли металла. Даже украшений металлических нет. Только клыки и когти животных. Явно медведей побили. Так чего их не побить, местные медведи не крупнее тех самых собак, которых здесь выведут и назовут Ньюфаундлендами или водолазами.

В общем, если эти чингачгуки не полные идиоты, то за предложения барончика торговать, должны уцепиться обоими руками. Железное оружие позволит им стать самым сильным племенем или родом, чёрт его знает, какая тут социальная структура.

Отплыли рано утром, держа курс практически на юг, а куда ещё можно двигаться, если месяц уже дует довольно сильный северо-западный или северный ветер. Иоганн, помня, что Джон Кабот как-то быстро добрался как раз отсюда до Англии в августе, предположил, что именно в августе через пару недель ветер поменяется, но ждать у моря погоды не решился. Попасть из-за этого в зимние шторма будет самоубийством.

Отплыли на двух больших катамаранах. Два маленьких оставили поселенцам рыбу ловить. И «Третий» и «Четвёртый» практически пустые. Всё, что можно оставили на острове «Буяне». Себе на месяц продуктов и на полтора месяца запас пресной воды. Продукты можно ещё и в море пополнить, первый же заброшенный с «Третьего» невод опять был полон трески. С голоду теперь точно не умрут, как и от цинги, засушенной смородины ещё хватало, при этом пару бочек даже переселенцам оставили. Там ведь скоро девушки начнут пузами обзаводиться, и ребёнкам витамины пригодятся.

Сутки шли на юг, при малейшей возможности забирая на юго-восток. Погода просто идеальная для плавания стояла. Тепло и переменная облачность. А вот при попытке переменить курс и двинуться на восток или хотя бы на северо-восток обломались. Ветер стал практически опять встречным. Словно проклятье на них наслали. Посоветались и решили ещё сутки идти на юго-восток.

И правильно поступили. Уже к вечеру они вышли из зоны этого встречного ветра и теперь их, как и Колумба, с бешеной скоростью и течения и ветер гнали на восток.

Глава 4

Событие десятое

*Всё перекаты да перекаты —
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, —
Плыву вперёд по абрису.*

Почему во Владивостоке холодное лето? Почему в Чили так себе погода, почему по мнению Марка Твена, самая холодная зима, которую он пережил – это лето в Сан-Франциско? Всё просто, северные или южные (Антарктида – это юг), такие как перуанское и калифорнийское холодные течения прижимаются во всех этих местах вплотную к берегу. Именно это и ничто другое делает климат на Ньюфаундленде по широте находящемуся примерно там же, где тёплый Ростов-на-Дону, гораздо прохладнее. Там северное Лабрадорское течение отжимает от берега Гольфстрим.

В принципе, не зная последнего вопроса, или правильное, ответа на последний вопрос, Иоганн подозревал, что-то подобное. Ну не мог Джон Кабот так быстро вернуться в Англию с Ньюфаундленда, если бы шёл галсами... Да в те времена просто галсами ходить не умели. Опять же паруса не те на когтах. Значит, Кабот поступил просто, он чуть сместился на юг и попал в Гольфстрим, а там и течение и западные и юго-западные ветра.

За две недели без всяких бурь и прочих штормов оба катамарана преодолели расстояние до Ирландии. Берег увидели ещё вечером, но берег скалистый и рисковать не стали, подошли метров на пятьдесят и попытались встать на якорь. И получилось, глубина оказалась метров тридцать.

Утром оглядели скалистый берег, посоветовались и решили, что плыть на юг лучше, чем плыть на север, опять же, если бы они доплыли до Голландии, то берег таким скалистым бы не был, там наоборот, трудолюбивые голландцы плотины и дамбы возводят на низких пологих берегах, чтобы их морем не заливало. Иван Фёдорович попытался карту припомнить, да ещё на две имеющиеся у него посмотрел и решил, что это скорее всего Ирландия. Признаки цивилизации... Скорее признаки, что места обитаемы, цивилизацией это назвать не просто, они увидели часа через три. Солнце на практически ясном небе подбиралось к зениту. И в его лучах на море виднелись два небольших паруса, а ещё над ними кружились стаи чаек. Явно рыбаки вышли на промысел.

Увидев незнакомые суда, обе рыбацких лодочки бросили из себя промысловые сейнеры изображать и рванули и на парусной тяге, и на вёсельной, к спасительному берегу. Нет, захватывать и демонстрировать преимущество в скорости «злые пришельцы» не стали. Наоборот, в два раза уменьшили парусность и вошли в длинную бухту, практически фьорд, вслед за рыбаками. Берег довольно крутой, даже круче, чем у них на острове «Буяне», а вот пляж оказался крохотным и домики, на нём стоящие, совсем неказистые. Собраны из камней разного размера, посаженных на глину. Только крыши деревянные. А ещё, как у горцев на Кавказе, каждый такой жалкий домишко обнесён стеной из таких же разномастных серых камней. Крепость каждый дом. Интересно, а как оборонять будут? Может это не от людей, а от волков, например.

Рыбаки добрались до берега, бросили лодки и кинулись со всех ног к этим домишкам, спрятались за стенами. Пришлось вежливо стучаться. Ирландия ещё не входит в Соединённое королевство. Пока войнушка непрекращающаяся десятилетиями идёт. И английского тут никто не знает. Всё, что удалось выяснить, задоблив рыбаков покупкой у них солёной рыбы и каких-то трав для чая, что поселение называется Голин. И оно почти на самом юге Ирландии. Нужно плыть на юго-восток, и будет вам счастье, попадёте к саксам на остров. Сколько плыть? Так смотря на чём плыть, да какой ветер, да какая удача...

– Всё понятно, спасибо. Есть ли у вас овцы на продажу?

Не, ну именно в Ирландии же начнутся эти беды, что все земли овцами заняли, и когда картофель не уродился, треть населения вымерло. Англы они может овец как раз у ирландцев и умыкнули хороших, тонкорунных.

Овцы нашлись, купили барана с тремя овечками, и отправились на юго-восток, как рыбаки и завещали. Тонкорунные ли они, эти овцы, или обычные, определять некому. Новики и моряки с рыбаками остались на катамаранах, все крестьяне, которые в этом могли разбираться, остались зимовать на острове «Буяне».

За сутки доплыли до Англии, но опять промахнулись. Нужно было чуть южнее забирать. Опять уткнулись в рыбацкое поселение на скалистом берегу. Оказалось, что называется оно Ньюки и до крайней западной точки острова сорок миль нужно плыть. Ну, эти хоть на английском говорили. Опять купили барана с тремя овцами, переночевали на берегу и утром отправились в Плимут. Поздно вечером до него добрались. Там закупили пороха и графита для карандашей. При этом графита закупили, так закупили. Три десятка мешков приобрели, каждый килограмм по шестьдесят. Весь трюм одного из корпусов забили. Так его Иоганну не хватало, так намучился рисовать свинцовым карандашом и угольками рассыпающимися, что скупил весь, который нашёлся.

Дальше Иоганн помнил, что плыть на восток к Дании вдоль берегов Англии нельзя. Опять течение. И оно будет встречным. Нужно перебираться через пролив и плыть вдоль французского побережья. Там течение будет попутным. Сейчас оно, это побережье, кстати, не французское, а тоже английское, и там идёт знаменитая столетняя война. И вот тут нужно было идти осторожно. При прошлом посещении Плимута, местные рыбаки им рассказывали, что на остров постоянно нападают французские пираты. Они, исчадия дьявола, не на одном кораблике плавают, а бывает и целой флотилией. И грабят прибрежные города.

В принципе, катамараны неплохо вооружены, но против целой пиратской эскадры вряд ли выстоят.

Нанятый лоцман посоветовал идти в Гавр и обещал довести туда кораблики за полтора дня, оценивая расстояние в двести миль.

Вот и чего каркал про пиратов?! Накаркал. Хорошо хоть не эскадра пиратская, а так, всего два корабля. Два трёхмачтовых когга. И даже с пушками.

Событие одиннадцатое

Пиратов (как выяснилось чуть позже) они увидели издали. А вот избежать встречи не могли. Невозможно развернуться и назад отплыть, пропуская непонятные корабли, идущие от берега на северо-восток, течение и северо-западный ветер развернуться не позволят. Автобус предложил взять ближе к берегу или даже встать у берега на якорь, но на коггах их заметили уже, и отступление ни к чему, кроме задержки нападения на несколько часов, не приведёт. Был вариант, наоборот, взять севернее и проскочить мимо пиратов. Если это они, естественно. У катамаранов скорость больше и французы их не догонят. И оружие сейчас не то, можно не переживать, не получить мощнейший бортовой залп из полсотни орудий. Сейчас, если на корабле две пушки – то это уже грозная сила. Все битвы на море в этом времени, да и ещё

пару веков – это банальный абордаж. Да, на двух больших, трехмачтовых, коггах может быть до полутора сотен человек команды, и если дать им возможность забросить крючья и подтянуть маленькие катамараны к себе канатами, то пираты их просто числом задавят. Их осталось-то на двух катамаранах всего пару десятков человек. Команды, да новики с бомбардирами. А проскочить если, ну выстрелят французы по ним из кулеврины или даже из бомбарды один раз, какой урон могут нанести, тем более что по ним тоже бабахнут, и вот тут уже кулевринами и не пахнет. На «Третьем» и «Четвёртом» есть даже стадвадцатимиллиметровые бомбарды, заряженные книппелями. Мачту если даже и не срубят, то паруса в клочья разорвёт точно.

– Уходим севернее, – прокричал Иоганн со своего любимого вороньего гнезда Бруно Буссу и стал махать идущему вторым «Четвёртому» красным флагом, означающим команду: «Делай как я».

В этом времени флаги на мачтах, обозначающих принадлежность к той или иной стране, практически не вывешивают, а если и болтается на мачте какая тряпка, то сейчас государственные флаги совсем не те, что через шесть сотен лет. Какая-то тряпица треугольная на мачте одного из коггов была, её Иоганн пытался разглядеть, но это точно был не шёлк или капрон, а чего-нибудь тяжёлое, и ветер, чуть утихший с утра, не развивал тряпицу. Но точно не чёрная с весёлым Роджером.

Когги имеют легкоузнаваемую конструкцию, на корме и носу кораблей есть возвышения в виде башенок, на которых находится главная боевая сила современности – арбалетчики. Эти башенки называются форкасль и ахтеркасль. Форкасль – носовая надстройка, ахтеркасль – кормовая. Да, арбалетчикам сверху и из-за зубцов этих башенок стрелять по врагу удобно... Есть огромное НО. Орудия там не поставишь, слишком мало места, но и на оставшемся по центру куске палубы орудия тоже толком не поставишь, тоже мало места осталось. От силы пара орудий между мачтами уместится, если не считать орудиями мелкие, в лучшем случае, пятидесятимиллиметровые, а в основном ещё меньше, кулеврины, которые обычно крепятся к фальшборту.

С этой точки зрения конструкция катамаранов с плоскими палубами гораздо выгоднее. Подвижные деревянные орудия на довольно лёгких деревянных лафетах можно без опасения, что они накренят корабль, все сгрудить на одной стороне или даже между корпусами, чтобы стрелять по курсу движения судна, если такая нужда возникнет.

– Перетаскивайте пушки на левый борт, заряжайте книппелями, – увидев, что скорее всего им удастся проскочить перед носом у неизвестных кораблей, скомандовал барончик. Классно будет, пройти прямо перед носом у врага и пухнуть в их сторону книппелями, порвав паруса и обездвижив.

Теперь уже понятно, что когги вражеские, но вот национальность по-прежнему загадка. Да, и важна ли она, если впереди враг. Неизвестные корабли стали разворачиваться на параллельный с ними курс, тогда как до этого шли на пересечение. Точно хотят бросить кошки с палубы и захомутать оба или хоть один неизвестный и непонятный корабль.

Сам Иоганн на полной скорости скатился с вороньего гнезда и бросился к заветному сундуку. Там уже рылись Андрейка с Егоркой и остальные новики. Они вынимали пищади и пистолы и раздавали команде. Сам Автобус из другого сундучка, поменьше, уже доставал берендейки и пороховницы. Эти штуковины хранились особенно тщательно, и сундук с двух сторон брезентом обтянут, так ещё и все эти припасы хранились в сидорах, сшитых из двухслойного брезента, а между слоями ещё и тонкая кожа ягнёнка помещена. Добиться стопроцентной герметичности это не позволяло естественно, порох современный и из воздуха пустыни влагу наберёт, но ещё ведь и берендейки сделаны из дерева и плотно запечатаны деревянной пробкой. Вот сейчас и проверят, удалось ли сохранить порох сухим, как солдатская мудрость советует.

Самсон с помощником суеились возле своего сундучка. Там всё серьезней. Порох в льняных тончайших мешочках хранится заранее развешанный, а мешочки опять в сидорах трёхслойных. На дне же сундука лежат скрепленные цепью книппеля и такие же холщовые мешочки с картечью, в основном изготовленной Угнисосом из обрубков гвоздей и подков. Пока нужны будут именно книппеля, чтобы обездвигить противников.

Чего тут команды командовать, народ уже с таким количеством пиратов встретился, что каждый без всяких команд и подсказок и сам знает, что ему делать. Новикам оружие ближнего боя заряжать, а бомбардирам начинать стрельбу книппелями, как только расстояние позволит. Сами определяют. Им виднее. И тут промедлить нельзя, высота бортов коггов при небольшой дальности прикроет мачты и паруса от орудий, расположенных всего в паре метров над водой.

Иоганн свой карамультук уже зарядил и посматривая на приближающиеся корабли быстро заряжал оба пистоля. Это кажется, что их на катамаране в разы меньше, чем пиратов. У каждого по три или четыре огнестрела, и это в ближнем бою практически уравнивает их шансы.

Событие двенадцатое

Первый выстрел сделали французы. Явно это была кулеврина. И выстрел должен был напугать скорее тех, по кому выстрелили, чем нанести им вред. Какой вред может нанести пятисантиметровое максимум, не очень и круглое ядрышко, выточен... обтёсанное из камня. Ну будет дырочка аккуратная в парусе. Ладно, попадёт в мачту и отщепит кусочек. В борт? Ну тоже отщепит щепочку или даже пробьёт. Выше ватерлинии. И чего? Беда бедой? Хрень полная, потом пробку вставят. Единственная возможность хоть как-то навредить таким мелким калибром противнику – это попасть в капитана. Вот тут смерть практически неизбежна. Никакая броня на поможет. Даже если в руку попадёт, так от болевого шока или потери крови помрёшь.

Новики, да и вся команда, кроме пушкарей уже зарядила всё огнестреляющее и сейчас спешно облачалась в кольчуги. Если будет абордаж, то надетая на тебя кольчуга, хоть и замедлит немного, зато не позволит зарубить или заколоть сразу. Помучаешься сначала.

Бабах. Но ведь далеко. До когга, с которого выпалили, и на котором за три секунды до этого расцвело небольшое облачко дыма, где-то метров восемьсот. Точно не долетит ядрышко. Не те пороха и не то прилегание в стволе этого каменного шарика. Да даже если чудо и произойдёт, и долетит ядрышко, то на излёте, чтобы посмеялись над стрелками.

Самсон, услышав этот еле различимый в шуме ветра и волн хлопок, засуетился было, но глянул на придурков, махнул рукой и успокоился.

– Поближе подойдём.

Они действительно приближались, в то время как пираты развернулись и начали спускать паруса, катамараны неслись вперёд на полной скорости. Останавливались враги. Видимо не понимали, с кем предстоит бодаться, и что Иоганн решил в бой не ввязываться, а проскочить мимо и удрать. Не бывает боёв без потерь, а они ему сейчас вообще не нужны, и так народу мало. Да и не нанимался он моря от пиратов чистить. Опять же пусть Англия с Францией бьются до посинения. Во время войны не до Великих географических открытий им будет. Ещё и подумать надо как бы столетнюю войну превратить в двухсотлетнюю.

С корабля второй раз пальнули. И тут оказалось, что бог есть, и он не на стороне больших батальонов, а на стороне осторожных. Иоганн после первого выстрела встал так, чтобы между ним и кораблём мачта находилась. Второй выстрел он не услышал, тут Самсон на своего подручного орал, а Автобус на Андрейку, чтобы тот от штурвала отошёл и не мешался, зато увидел. Облачко дыма вспухло над ахтеркаслем или над кормой. Выходит, как минимум две кулеврины на когге вражеском. Увидел ещё и результат стрельбы барончик. Ядрышко вреза-

лось в мачту буквально в десяти сантиметрах от его носа и осыпало щепками, выбитыми, всю левую половину лица. Если бы на барончике не было ерихонки с ушами и бармицей, то мог и без глаза остаться, а не спрячься за мачту, так и без головы.

– Ни фиги себе! – присвистнул парень и потрогал вышерблину от ядрышка. – Как они с такого расстояния умудрились?! Дас ист фантастиш?!

Они, конечно, на «Третьем» между первым и вторым выстрелом подошли метров на сто ближе к когту, но всё одно метров семьсот ещё оставалось.

– Добили! Заразы! Ну я им сейчас!

– Стой, Самсон, не суетись. Действуем по плану. Но такую дальнобойную хрень хотелось бы в свой удел залучить.

Бабах. Этот хлопок они слышали. Снова отметилось первое орудие, или там рядом, на фальшборте, парочка закреплена. И результат выстрела увидели. Ядрышко попало в парус, и он поганец не дырочкой малой отреагировал, он разошёлся. Скорость сразу упала, а катамаран, несмотря на усилия рулевого, стал поворачивать на север, на втором корпусе ведь все паруса целые. Команда бросилась спускать парус на правом корпусе, а Иоганн подошёл к Самсону, теперь от тюфянчей многое зависело, если он не сможет обездвигить пирата, хоть этого, который ближе, то удрать точно не получится.

– Ещё чутка. Наверняка надо, – старый артиллерист успокоился, – ещё пятьдесят сажень.

Иоганн повернулся к «Четвёртому», тот отставал раньше метров на двести, но теперь почти поравнялся с ними. Видно было, что и там пушки склонились над орудиями. Ну, залп из четырёх бомбард сразу может ситуацию изменить.

Бабах!

Глава 5

Событие тринадцатое

Бабах. Нет! Это не тюфянчей Самсон восстановил справедливость! Это проклятые пираты с проклятого пиратского корабля выстрелили из проклятой настоящей бомбарды. Приличный калибр. Облако дыма вздувшееся над боротом когга между Бизанью и Гротом было в разы больше предыдущих. А через пару секунд после выстрела и одновременно с донёсшимся хлопком и ядро прилетело. Может даже и раньше, с какой скоростью сейчас ядра летают Иоганн не знал, но показалось ему, что сначала ядро врезалось в корпус катамарана, а уж потом звук выстрела донесся через шесть сотен метров, разделяющих корабли.

А потом стало не до математики с геометрией. Ядро, проклятое, конечно, какое ещё, проломило корпус катамарана и оттуда из тёмного нутра его раздался визг сначала, а потом жалобное блеяние. Эти редиски проклятые попали в спрятанных перед боем в трюм овец. Это ни в какие ворота. Не, это перебор. Их Иоганн сам туда перетаскивал, чтобы бедные животные не пострадали от гадских пиратов.

– Самсон!

– Сейчас! – Иоганн прислушался, блеяние не прекращалось, точно ранили. Нет, ну чего мирно не сидится людям?! Мстя будет страшной.

Бабах. А вот это уже тюфянчей поднёс, наконец, зажженный факел к запальному отверстию сначала на одной пушке, а потом и на второй. Бабах. И в это же время грохнуло два раза с «Четвёртого». Ну, тут сначала звук, а потом результат. Расстояние при этом между ними и первым пиратским коггом сократилось всего до пятисот метров.

Ух. Хорошо. А нефиг, потому что! Во! Потому что гладиолус! Результат замечательный. А не будут бедных овечек убивать. На когге как раз спускали паруса. Это просто привычный оборот речи, типа спустить парус. Пришло это с тех времен, когда парус был закреплён на рее и его поднимали и спускали вместе с реей. Спускать, значить опустить рей на палубу. Сейчас те былинные времена прошли. И паруса, наоборот, поднимают. Их поднимают, подтягивают к рее. Для этого на таком большом корабле нужна приличная и, главное, обученная команда. Паруса ведь делают из конопли, и они очень толстые. Иоганн прикидывал вес куска паруса (парусины) размером метр на метр. Примерно семьсот – восемьсот грамм. Это в два таза больше, чем вес брезента, который он для палаток делает. А размеры Грота – самого большого нижнего паруса, как бы не две сотни квадратов. И выходит, только парус, без канатов, весит чуть не две сотни килограмм. И нужно матросу залезть на рей и поднимать его руками, притягивая к себе.

Этим матросы на обоих коггах и занимались. И в это время по парусам прилетели четыре книппеля. То, что все паруса неубранные разорвало в клочья – это понятно. Так ещё и всех матросов либо за борт с рей и вантов всяких скинуло, либо на палубу уронило. Можно ли разбиться, упав с десяти метров? Если головой, то не можно, а нужно. А если хребтом поперёк фальшборта, ну выжить можно, но нефиг такая жизнь нужна. А ногами. Перелом гарантирован. Во время боя? И этих можно смело за борт скидывать. Только обуза и помеха. А ещё они стонать, кричать будут и помощи вымогать. Книппеля только стряхиванием команды не ограничились. У коггов пиратско-французских было какое-то прогрессивное парусное вооружение, на Бизань-мачте был огромный косой или латинский парус. Так там перерубил один удачливый или заговорённый книппель рей, и вся конструкция рухнула на палубу, может и покале-

чив кого. Одно можно сказать точно, из всех парусов на этом ближнем когге остался только грот-марсель, самый верхний парус на Грот-мачте. Всякие ошмётки и обрывки полоскались, но двигать вперёд огромный тяжёлый корабль уже точно не могли. Посудина широкобёдрая ещё продолжала двигаться по инерции и по течению, но управляться уже точно не могла.

– Молодца! Ай, молодца! Теперь по второму. Андрейка, приготовьтесь, как до ста пятидесяти метров доберёмся, стреляем из карамультуков.

Карамультуков пять всего. У остальных пищали. Там лучше начинать стрелять метров со ста. Свинцовый шар в дюйм диаметром не хочет далеко летать.

Зарядить орудие – это целая минута в лучшем случае. И на всех парусах летя навстречу коггам катамараны прошли за это время метров двести. Уже людей на палубе и форкастеле мечущихся видно. Бабах. На этот раз всего два орудия, а потом, через полминуты примерно, и ещё метров через семьдесят, ещё два выстрела. Получилось хуже, чем с первым кораблём. Но оставшиеся не убранными паруса, а особенно большие грот и фок на втором пирате опять в ключья. Теперь и этот когг с ними в скорости тягаться не сможет.

– Давайте картечью по палубе первого! – прокричал в азарте боя барончик, а сам вскинул ружьё малокалиберное к плечу, одновременно выискивая цель.

Народ на когге суетился, и никак не хотел остановиться и дать в себя прицелиться. Французы они вообще народ шебуршной, один Д’Артаньян их чего стоит, тоже не мог спокойно сидеть на попе ровно. Ага, один из дартаньянов остановился и из-под козырька руки стал всматриваться в приближающие катамараны.

– На тебе ответку за Долли! – Иоганн задержал дыхание и потянул за спусковой крючок.

Бах, ружьё толкнуло его в плечо и барончик на мгновение потерял из вида этого подсматривающего, а когда вновь на то место посмотрел, то никого там не заметил. Бах. Бах. Захлопали выстрелы из остальных карамультуков. Новики видимо тоже себе достойные цели нашли.

И тут выстрелили почти одновременно оба орудия деревянные у Самсона. Всё, это третий выстрел, сейчас стволы деревянные на новые менять будут. Эх, обидно бинокля нет, ничего не понятно, что там на коггах творится. Ещё можно в птицу превратиться и слетать посмотреть:

– И вот я, и вот я, превращаюсь в воробья!

Нет. Не получилось с первого раза. Тренироваться надо.

Событие четырнадцатое

Аппетит приходит во время еды. Ещё пять минут назад барончик думал о том, что нужно не ввязываясь в морское сражение с непредсказуемым результатом, проскочить мимо пиратских громадин тонн под четыреста водоизмещением. Не, ну их этих французов, они начнут своими зубочистками колотья. Хотя, шпаги ещё не придумали. Сейчас у них такие же мечи, как и у всех. Да и ладно. Их там сотни полторы и это воины, а не крестьяне. У него в разы и разы меньше народа. Пусть мимо проплывают.

Но это были мысли не свежие. Пятиминутной давности, когда эти гады ещё Долли не убили, и когда корабли у них смотрелись грозно. А теперь мысли приняли другой оборот. Теперь на передний план выскочила жаба. Там полно на этих кораблях кулеврин и даже одна бомбарда есть... Так это только на первом корабле, а их два. Орудия, тем более большего калибра, ни купить, ни заказать отливку, практически невозможно, если их и льют где-то, то это королевские литейные дворы и никто непонятному чуждому барончику не продаст орудие настоящее. Про кулеврины ещё подумают, а вот бомбарду или мортиру точно не продадут. На всей огромной Грюнвальдской битве было меньше двух десятков орудий. А на этих двух кораблях полно орудий им совершенно не нужных. Зачем мертвецам пушки? Им косы нужны? Косы, под водой?

Нет, нельзя мимо проплывать не попробовав отжать у этих разбойников несправедливо нажитое. Он как Робин Гуд. Отберёт у них всякие ценные ценности и отдаст их поселенцам на острове «Буяне».

Барончик перестал осматривать недотрофей и повернулся к народу. Народ воевать, в отличие от него, не бросил. Тюфянчей с Фролом уже заканчивали менять стволы. Осталось только зарядить. А новики перезаряжали карамульки, в том числе и его. Андрейка даже уже зарядил и сейчас высматривал добычу, чтобы превратить её в убычу. Расстояние сократилось до сотни метров, даже метров до восьмидесяти. Французы всё-таки ещё двигались по инерции.

– Бруно, спускай паруса! Все. Правь так, чтобы мы прошли как можно ближе к коггу первому, но, чтобы они до нас кошки не смогли добросить. Метров двадцать... Ай. Сто футов. Чуть меньше.

– Они...

– Спускай, – мотнул головой барончик. Нет, жабу не победить. Опять же не поубивай он этих дартаньянов всех, а на следующий год они опять нападут, да в тот момент, когда он с полными корабликами переселенцев будет к острову «Буяну» плыть. – Спускай. Нельзя врагов за спиной оставлять. Они потом в кино обязательно в спину выстрелят.

Автобус вжал голову в плечи и пошёл команды раздавать. Наверное, ещё соображал, что такое кино. А Иоганн взял у Егорки свой заряженный по новой карамулек и вскинул его к плечу. Осталось немного всего проплыть и из-за высоких бортов когга не будет видно палубы. И сейчас-то уже часть людей скрыта фальшбортом.

Ага! Шалишь! Товарищ вон сидит в вороньем гнезде. Воронёнок хренов. Самая нормальная цель. Непростая. Ветер и волнение телепают бочку, из которой пират торчит по пояс всего. Но колыхания эти ритм имеют. Нужно только просчитать его, дать упреждение и... потянуть за спусковой крючок. Бабах. Ружьё решило синяк на плече барончика организовать и пнуло его в плечо. Не так как настоящая пищаль, калибр меньше в два раза. Вот в два раза слабее и пнула. Не как конь, а как... полконя.

Бабабабах! Это чуть не одновременно последний возможный выстрел сделали пушки с обоих катамаранов. Всё теперь меду ними тридцать метров и борта пиратских кораблей не дадут попасть ни в кого на палубе. Ну если они специально не высунутся. На верхних площадках ещё и зубцы башенок будут французов защищать. Тридцать метров, а ведь если там в действительности арбалетки, то могут и дострелить.

– Андрейка, Егорка, Фома, берите луки. Смотрите на корму и на нос, могут арбалетки быть.

Сам Иоганн взял в руки прислонённую к сундуку заряженную заранее пищаль. Для ближнего боя заряженную. Вместо одного свинцового шарика в дюйм диаметром, там засыпана свинцовая дробь пятёрка. Целая горсть. Потом пыж, чтобы дробинки не выкатились. Бумажный патрон он попробовал использовать, но разницы не заметил, а вот зато, чтобы потом не сыпануть порох на тлеющую бумагу, нужно долго шомполом елозить, вся выгода во времени теряется, да ещё и в минус уходит. Нужен патрон из картона. И нужно переламинающее ружьё. Нужно? Тогда нужно сидеть и думать, пробовать. Где время на всё это взять? Приходится рисовать по пять – шесть часов в день, чтобы все хотелки деда и купца Вицина выполнить. А ещё учёба, а ещё тренировки. Нет, пока его просьба к богу, о добавочных двух часов в сутках, тем не будет выполнена, вряд ли картонные патроны появятся.

А стрелы не замедлили со... со свистом. Одну за одной отправлял сын Перуна. Потом и Егорка подключился. Иоганн потащил тяжеленную пищаль к плечу, заранее представляя, как его отдачей с палубы сносит в ламаншевую грязную и холодную воду. Вообще, стрелять такой дурой, держа «дуру» на весу, практически бесполезная задача. Нужно опору найти. И где тут опора? Но сначала цель определить. Барончик проследил куда стреляют новики. Ничего не видно. Да и Андрейка больше не стрелял.

– Чего там? – Иоганн всматривался медленно проплывающий мимо пиратский корабль. Никаких признаков жизни.

– Вон, с кормы, с башенки, пара арбалетчиков высунулась. Больше не видно.

– А у тебя чего? – повернулся парень к Егорке.

– На палубе под парусом кто-то шевелился у пушки. Вон, там, – новик указал на то место откуда и увидел Иоганн дымок от большого орудия.

– Ладно. Бдим.

Событие пятнадцатое

Корабли дрейфовали с чуть разной скоростью. Разогнавший и более лёгкий «Третий» проплывал мимо пиратского когга. Затормозить это движение было невозможно, более того они уже даже проскочили точку, где, поворотив руль и поставив какой из парусов, можно было ткнуться в громадину когга. Тут как в шахматах, пешки взад не ходят. А «Четвертый», где по примеру дурному от барончика тоже спустили паруса и того хуже. Он и мористее пиратов и паруса спустил позже, его проносит и дальше от первого пиратского корабля и быстрее, он уже обогнал катамаран с Иоганном. Там народ тоже стоял с луками и пищальми наизготовку.

А дартаньяны попрытались. И молчали. Вообще такая относительная тишина стояла. Только Долли продолжала жалобно бляеть и чайки, распуганные было выстрелами, вернулись и продолжили хохотать над французами.

Иоганн уже было совсем жабу задавил. Ну, чего, не получилось пушками разжиться, обидно до невозможности, но против ветра чего плевать. Зато теперь, в следующий раз, если именно эти пираты увидят катамараны, то не будут пытаться их захватить, будут пытаться отползти. Барончик махнул ракой на проклятых и обернулся уже к Автобусу, чтобы дать команду поднимать все паруса, как тут его дёрнул за руку Андрейка и развернул к востоку.

– А нефиг было!

Второй когг, которому досталось меньше, и на котором и блинд сохранился и косой парус на бизани, вынырнул из-за спины первого корабля и сейчас пусть медленно, и даже вопреки желанию своих пассажиров, шёл на перерез «Третьему» и точно подставит борт.

Дартаньяны там сустились, пытаясь развернуть корабль. Расстояние сокращалось медленно, но и те и другие тоже медленно двигались.

– Самсон? – барончик с кроважадной улыбкой повернулся к тюфянчею.

– Можно...

– Чего можно, давайте картечью по ним, а то ещё какой парус поставят!

– Чуть ближе надо. Ты, Ваньша, не суетись, всё вовремя сделаем.

До второго корябля было сейчас метров чetyреста, кнйппелями или ядрами уже можно стрелять, а картечью и правда рановато.

– Андрейка, ты за этим бди. А то ещё захотят в героев поиграть. А я с карамультуком в воронье гнездо полез.

Егорка уже давно малокалиберное ружьё зарядил. Иоганн залез на полтора метра по надёжной, но скользкой сейчас от брызг, лестнице и принял карамульток. Вот с ним карабкаться вверх было кране неудобно.

– Нужно ремень изобрести, – мысленно себе оплеуху выдал Иоганн. Уже эта мысль приходила в голову, он ею с Георгом поделился, но тот не одобрил, мол, в лесу цепляться будет. Так и позабылась.

С вороньего гнезда пиратский когг был виден нормально, даже убитые на форкасле арбалетчики отчётливо видны. А вот живых видно не было. Иоганн положил ружьё на бортник бочки. Неудобно. Бочка слишком узкая. Из лука можно стрелять или один раз из арбалета, так

как для второго выстрела не зарядить, а вот из ружья только на весу. Но целей не было. Всех они убить не могли, а значит, пираты просто попрятались.

Иоганн перевёл взгляд на второй когг. Вот там народу пока хватало, и эти придурки решили все под выстрелы орудий подставиться. Человек двадцать прильнули к левому ближнему к ним борту, из них половина с арбалетами и луками. Ждут тоже пока эти сволочи на мелких своих непонятных скорлупках подойдут поближе. И вот тогда!!!

Бабах. Бабах.

Ай, блин, неудачно. Не попали неудачно, а дым от выстрела неудачно. Два клуба кислого, вонючего дыма, вызывающего кашель, соединились и окутали барончика. Ветром быстро сдуло вперёд, но и глаза заслезались и всё одно видно плохо сквозь них, хоть и поредели. Пока проморгался, пока ветер окончательно преграду эту развеял, время ушло. Ничего не понятно. Единственная разница с предыдущей картинкой, так это то, что нет толпы встречающих, не стоят больше они вдоль борта. А там, где фальшборта у подножия Грот-мачты нет, видны лежащие на палубе тела. Так вроде и раньше лежали? Или нет?

Бабах. Бабах. Это орудия с четвёртого выпалили. И картечь, не найдя жертвы, оторвалась на косом или латинском парусе на Бизани. Справедливость восторжествовала, и он в клочья разорван, нечего было выделяться. Когг на глазах стал терять ход. Теперь из парусов только маленький блинд на бушприте.

– А теперь наш черёд в гости идти. Робяты, готовьте кошки. Там столько вкусного должно быть.

Глава 6

Событие шестнадцатое

– Добрались! Доплыли! Едрит Мадрид! Мы дома! Дома, орлы! Дома!

Иоганн проорал это всё со своего любимого вороньего гнезда на «Третьем». С утра барончик туда залез, как только они в Двину или Даугаву зашли и так и не слезал. И вот спустя два часа и пятнадцать километров показался шпиль Домского собора и причал... Нет, их там точно никто не ждал. Ну, не должны были ждать. А чего тогда чепчики в воздух кидают и руками машут. Странно это. Колумба с Джоном Каботом точно так не встречали... Наверное. Кто их знает, как там было на самом деле. Но и тот и другой с помпой отправлялись в Индию короткую дорогу искать. Там в обоих случаях королевы с королями были задействованы и полстраны об отплытии знало. А Иоганн, куда он отправляется и зачем, никому не говорил, да и теперь точно не скажет. Не нужна тут пока никому эта информация. У местных правителей сейчас цель – выжить после Грюнвальдской битвы и отторжения Жемайтии.

Толпой назвать тех, кто махал руками и шапки в небо забрасывал, можно было с большой натяжкой. Человек пятнадцать. Может, это не их встречают? Иоганн даже оглянулся назад на Рижский залив. Возможно, они и не причём, за ними следует настоящий виновник этого митинга несанкционированного. Есть настоящие герои.

Нет, кроме пары рыбацких утлых челнов, никуда не спешащих, а наоборот закидывающих сети, никого видно не было. В ста метрах от берега, чуть в стороне, стоял на якоре небольшой когг, но он, видимо, тут давненько стоит, и комитет по встрече к нему отношения не имеет. На пирсе, вдоль причала и рядом было полно всяких посудин. Стояло два когга – эти нормального размера, стояло три лоды со спущенными парусами и несколько больших и малых рыбацких лодок, тоже со спущенными парусами. Но раз они там стоят, то и их не должны так радостно встречать.

– Иван, дед твой, прибыл, – прокричал снизу Автобус.

А ведь точно, вон те кораблики небольшие очень похожи на новгородские лоды его деда.

Вовремя, значит, вернулись. Нет, по родственникам Иоганн не сильно скучал, но он же деду опять множество всего заказал и хотелось бы из первых рук услышать, чего тот доставил... Хотя, новости из Рос... из Моск... с Руси можно послушать. Строить единое Русское государство Иоганн не собирался, да и носом не вышел, но узнать, чем там люди живут – интересно.

Перед дедом было и ему чем похвастать. Он из этого плаванья опять прилично оружия привёз. Да, это не полные рыцарские комплекты, но и кольчуг полно, и мечей, и шлемов, и всяких наколольников с налокотниками. Только морское сражение возле Гавра с двумя пиратскими французскими коггами позволило создать отличный обменный фонд для торговли с дедом.

Если с первым пиратско-французским кораблём сначала не получилось, им тогда пришлось штурмовать второй, и там даже небольшое сражение на палубе организовалось. Три десятка французов, правда, частично израненных и полностью деморализованных, попытались организовать оборону своего корабля, когда туда новики и моряки полезли с двух катамаранов, но залп сначала из двух десятков пистолей, а потом ещё из двух, количество желающих сражаться уменьшил в два раза. А потом проскочившие на форкасл Андрейка с Егоркой стали из луков, быстро желающих ещё подраться, в спину отстреливая, на ноль умножать. И пяти минут не прошло, как осталось человек пять из команды, и точно без командиров. Товарищи оружие бросили и на колени бухнулись. Ну, а как ещё сдаваться, никто ни белых флагов ещё не придумал, ни хенде хохов никаких. Тяжёлые времена. Тех, кто пытался командовать, в первую оче-

редь и отстреливали. Потом на шлюпке этих пятерых выживших отправили на первый корабль. Предложили тем сдаться. Расклад такой. Все остаются живы, и даже корабли будут оставлены невредимыми, хотя Иоганн в душе и хотел их сжечь. Но из разговоров с одним из матросов выяснилось, что они регулярно совершают набеги на английское побережье. Если французы бьют англичан, а англичане французов, то и хорошо, то и пусть. А ещё оказалось, что корабли недавно, вот только, вернулись, ходили в Марсель, и там потопили два египетских корабля шедших из Османской империи в Египет.

К этому времени, насколько Иоганн выяснил у купцов и архиепископа, от всей Византии остался одни Константинополь да несколько островов неподалеку, а ну ещё кусочек Греции. Захватили французы при этом большую добычу, которая пока на кораблях и находится, они домой идут в Дьепп. А в Гавр зашли воды набрать и провизии прикупить, так как вода в бочках полностью протухла, и матросы начали бузить, дело шло к бунту и решили, что задержка на пару дней не так страшна, как гражданская война на ограниченном пространстве корабля.

Иоганн мог бы с ними простой хитростью поделиться. Они именно так и перевозили воду, и она всё их длительное плавание родниковую напоминала. Всего-то, насыпали на дно каждой бочки серебряных монет горсть и бросили несколько медных предметов. Ионы меди и серебра не дали микроорганизмам развиваться и всяким водорослям. А предварительно бочки окатили горячим уксусом, чтобы возможные микроорганизмы убить.

Ничего такого рассказывать французам Иоганн не стал, как не стал и делиться знаниями о том, как цингу побороть. У них ничего такого не было, даже намёка, за время плавания, на желудочные расстройства или цингу.

Да, корабли и жизни они пиратам оставляют, и даже часть добычи, так как у них места в трюмах не лишку, там и без того полно всего полезного лежит, а сами трюмы дёшевые. Заберут оружие, особенно пушки, порох, свинец, ну и, если чего действительно ценного найдут. Капитан второго, а правильнее, первого корабля пиратов, выжил, и с близкого расстояния наблюдал захват корабля своего родного брата, земля ему асфальтом и царствие... подземное. А раз видел, то решил, что лучше пожертвовать частью, чем лишиться всего, в том числе и жизни.

Забрали новики и пушкари в первую очередь с обоих коггов всю артиллерию. А именно: четыре кулеврины разных калибров, от двадцати восьми миллиметров, примерно, до пятидесяти пяти, одну бомбарду калибром миллиметров в сто десять и две мортиры примерно такого же калибра, может чуть больше. Пороха у французов почти не осталось. Три последних бочонка изъяли, считая начатый. Потом принялись раздевать живых и мёртвых, стаскивая с них всё железное, серебряное, золотое и медное. Два трюма на «Третьем» теперь полностью оружием забито. После Иоганн по очереди обследовал оба трюма пиратских коггов. Вот где вонь стояла непереносимая. В основном груз захваченный и с тем, что вышли из Марселя, был вино и зерно. Зерно по несколько мешочков на «попробовать» посадить Иоганн изъял, а также несколько мешков на еду, хотели в Гааге опять покупать, а тут подарок. Если можно сэкономить, то почему не взять. Всё зерно – это пшеница. Ни проса, ни риса, ни непонятного сим-сима, который из сказок. И что обидно, кофе тоже не было. Ещё было немного шёлка. Вот его перетасили в закрома родины.

Главная же добыча оказалась в клетках на палубе первого корабля. Клетки были из прочных досок сбиты и связаны, и при обстреле не пострадали, как и их обитатели. И это были не чернокожие рабыни для гарема. Это были куры.

Соседка Ивана Фёдоровича на даче была... м... фанатка экзотических пород кур. У неё шести разновидностей эти пернатые были в птичнике. Иван Фёдорович как-то помогал ей туда воду проводить, в птичник, и с интересом их обозрел, а соседка, обрадовавшись, что нашла свободные уши, всё время, пока он возился с трубами, рассказывала про эти породы. Итак, вот эти куры, на корабле захваченном, были породы «Султанка» или «Султанские». Может, сейчас

и по-другому называются... Кстати, не понятно, имеется в виду сам Султан, то есть, правитель, или султан у них на голове, шапочка такая. Курицы были небольшие, но красивые. Мохнатые такие. Убивать их пираты и пускать на корм не стали, хотели продать. Иоганн и выкупил всех, за их жизни. А чего, достойная цена. Куры были двух цветов чёрные и белоснежные. В сумме больше двадцати штук.

Так это ещё не вся удача. В соседних клетках было три... м... один козел и две козы. Ну, велика ли удача? Мало ли коз на свете? У него вон после поездки на Грюнвальдскую битву живёт огромный козёл, с корову ростом, и уже даже полно козлят и козочек от него произошедших, вот сейчас вернётся барончик и посмотрит, пошли ли они размерами в папашу. Но эти козы были другими. Животные были грязными, и Иоганн сначала мимо прошёл, не разобрал, что это такое. Нет, что козы, понял. Сейчас почти все моряки с собой в плавание берут коз или овец – это так называемы мясные консервы. Но проходя второй раз мимо клеток с козами Иоганн остановился. Шерсть у козла показалась ему подозрительной. Она была кудрявая. Пришлось остановиться и приказать изъять коз и козла из клеток. И даже заставил барончик пиратов их вымыть, из тех самых бочек, где была до захода в Гавр протухшая вода. Бочки и сейчас пахивали кислятиной какой-то. Но вот когда коз отмыли, то все сомнения «смылись», так сказать. Это были козы турецкой – ангорской породы. Длиннющая тончайшая кудрявая шерсть. Козы белыми не стали после помывки, оказались кремового окраса.

Просто не пираты, а клад целый. И как оказалось, коз изначально было гораздо больше, но остальных уже схарчили. Дикари. Все дартаньяны – дикари! Ничего в козах не понимают.

Последняя удача находилась в самой глубине трюма первого корабля. Иоганн туда еле протиснулся мимо бочонков с вином. Не, не сундук с золотом. Золото было и на пиратах, и в каюте капитанов, правда, не прямо горы, но на десяток тысяч марок точно потянет. Нет, в углу стоял сундучок с кусками малахита и бирюзы. Невзрачные, необработанные камни, которые ценными не смотрелись. Да, может и не были особой ценностью для ювелиров, раз они не в каюте капитана пребывали, а в трюме в закутке пропахшим мочой. А вот для изготовления в художественной школе у Иоганна замечательной зелёной и голубой красок эти камни вполне годились, может они и предназначались для изготовления красок для росписи мечети какой.

Событие семнадцатое

– Деда, мне деньги не нужны. У меня их как у дурака махорки...

– Чегось? – дед Иван косматые свои брови свёл.

– Фантиков...

– Чегось? – ещё косматее стали.

– Много денег. Хватает.

– Много денег не бывает! – борода тоже закосматилась.

– Заработаю. Мне нужны крестьяне и мастера. Не скидывайся. Я в курсе, что привёз. Мало привёз. Ещё столько бы.

– Так весною? – не понял дед.

– Они, оказывается, уже все с пузами. Жены. А мне их... Ну, без пуз надо, – не говорить же всем подряд, что он остров «Буян» решил заселить, а потом и Азорские острова. Первых переселенков от беременности удерживала Матильда. Полгода они её зелья ведьминские пили, чтобы не понести, и то три девки оказались непраздны, пришлось эти семью здесь оставить. Или не пили зелье ведьмино молодухи, или оно не всегда работает. А тут весною дед привёз опять двадцать молодых семей, всё как и договаривались, а Иоганн команду поить их противозачаточным средством не дал. Позабыл в суматохе отплытия в неведомые дали. И теперь Матильда их осмотрела и сказала, что семнадцать из двадцати понесли. И чего делать, везти с

грудными младенцами больше месяца по холодному морю без кают практически? Это гарантия убить детей в дороге.

– Я не смогу до весны, – Кожин облизнулся на гору оружия.

– Это понятно. Смотри, деда, у вас же есть зимняя дорога до Пскова. Торгуете вы с ним? – эту возможность Иоганн в дороге придумал. Ну, да, летом по воде не добраться. Лета нет, а когда оно настанет, то поздно будет. Сидеть здесь и ждать деда нельзя. Второй поход Иоганн задумал намного длиннее, наоборот, нужно будет раньше выходить в плавание. Как? Ну, подумать надо. Зато зимою на санях вполне можно преодолеть и расстояние от Новгорода до Пскова, и дальше, до Риги. Естественно, что на санях много не увезёшь. Что там лошадка потянет, даже по снегу, ну семьсот килограмм. И дорога минимум в десять дней. Да на одной лодье можно в пять раз больше увезти, чем всю зиму караваны саней гоняя. С этим даже спорить бессмысленно.

А вот двадцать семей? Сорок человек молодых девок и парубков. По шесть, скажем, на одни сани. Семь саней. Ну, плюс ушкуйники или другие воины. Пусть будет санный поезд из двенадцати подвод. Ерунда. Один-то раз можно стогнать.

Вот сейчас всё это Иоганн деду Ивану и пытался втоухать. При этом недвусмысленно на гору оружия кивая.

– Вы только до границы довезёте. Сколько, говоришь, больше двухсот вёрст? Седмица. А я их на границе на Студебеккерах встречу. Это такие крытые повозки, дальше в тепле и безопасности поедут. Тут на границе их новики встретят. Никакие разбойники ничего им не сделают. Они сами кого хочешь напугают.

– До Пскова? Ну, а что, до Пскова можно? Не раз с обозом хаживал пока помоложе был. Сейчас зимою кости ноют, стараюсь из дома не выходить. Воев десяток и два десятка молодежи? А идёт, внучок. Но ты на тех бекерах парсунки пришли. И я сейчас заберу это.

«Это» уже перебрали. Всё самое лучшее из кучи достали. Там, между прочим, даже кинжал был из дамасской стали с коленцами узора. Был и кинжал явно азиатской работы из нержавеющей стали. Иоганн великим металлургом не был, но книжки-то читал и передачи всякие смотрел. Надо понимать, что клинок этот раритетный выкован из метеоритного железа, богатого никелем. Никаким другим образом объяснить, откуда в начале пятнадцатого века взялась нержавеющая сталь, невозможно. А что это нержавейка, видно. На ножны этого металла не хватало, и там на железных пластинах видны ржавые пятна. А на клинке их нет. Кинжал был небольшой, сантиметров двадцать, и лезвие заточено с одной стороны, как у финки. В общем, непонятная, но явно дорогущая вещь. И при этом ни на рукояти кинжала, ни на ножнах, нет драгоценных камней, золота и прочего серебра. Раритет. Такой точно деду отдавать не стоит.

– Внучок, ты с невестой-то решился? Сватать боярышню? – хитро сощурился купец Кожин, попивая маленькими глотками малиновое вино.

Так-то да! Дед его торопит. Ему зимою бабахнет пятнадцать, и он по законам, принятым в русских княжествах, и по законам Ливонского ордена, станет совершеннолетним, и может жениться. Даже не так, ему обязательно нужно жениться. Сам по себе возраст не делает его взрослым. Взрослым делает женитьба.

Иоганн в дороге думал на эту тему. Вернётся в августе и, глядишь, через полгода уже можно вполне жениться. А вот на ком жениться? Не, не, Герда отпадает сразу. С этой бесовской он сразу подерётся. Боярышня? Но, глядя на деда, Иоганн в это не очень верил. Купец? Пусть богатый. Да даже с его помощью теперь – очень богатый. И что, где купец – смерд и где боярин? А с другой стороны, что он знает о порядках сейчас на Руси? Он барон, как это экстраполировать в российский, ай, в русский табель о рангах? Боярин ведь сейчас не князь. Богатствами мериться? Ну, он сейчас побогаче точно, чем отец был, когда сбежал от Василия Московского. А через полгода у него уже два баронства будет, и если надо, то и три, найдёт через архиепископа, какое баронство осталось без наследника после Грюнвальдской битвы, как

вот Пиньки, и выкупит просто. Не проблема. Не нужно ему, но не проблема. А сколько нужно баронств, чтобы графом стать. Как там мечта была у Портоса? Купить несколько баронств и стать графом. А спросить нужно и их Высокопреосвященства, можно ли так у них... ай, у нас в Ливонии.

Глава 7

Событие восемнадцатое

Отправив деда Ивана восвояси и договорившись, что тот после Рождества Христова пришлёт ещё двадцать семей переселенцев – молодожёнов и десяток ушкуйников, а да, и кузнеца ещё с семейством и бортника, тоже с семейством, через Псков, Иоганн как раз успел окунуться в уборку яровых. Озимые убрали вот только, и увидеть процесс барончику не удалось. Можно только с цифрами ознакомиться и посмотреть на зерно в ригах и амбарах. И первым делом парень выпытал у Отто Хольте, где рожь с экспериментальной полоски номер семнадцать. Нашёл. Залез в ларь и вылез посрамлённый и расстроенный. Он третий год пытается вывести озимую рожь без головни и спорыньи, да желательно и без остальных болезней. Зерно тщательно перебирали пацаны, чтобы чёрных зёрен, заражённых головнёй и спорыньей, не было ни одного. Кроме того, посадили полоску с этими семенами после гороха, и чтобы с обеих сторон были посажены не злаковые. И даже оставили по краям поля полосу в метр приблизительно и там всё лето боролись с сорняками. И так вот уже три года. И что можно сказать. А сказать можно, что избавиться от чёрных зёрен не получилось. Да, не поспоришь, их стало в разы меньше, но всё одно, зерно в ларе пестило чёрными точками.

В этот раз надежды на то, что получится избавиться, было побольше, чем в прошлые годы. Зерно перед посадкой пролили водой при температуре в пятьдесят градусов и нагревали эту воду в медных котлах с большим количеством накиданных туда всяких медных шуток типа подсвечников, вроде бы ионы меди всякую заразу должны убивать. Наверное, и убили, но грибы, а спорынья – это грибок, видимо меди не сильно боятся.

– Не получается, – пробурчал, стоящий за спиной у Иоганна, управляющий. Отто не верил во все эти борьбы с чёрными зёрнышками. От бога все напасти. Он решит и не будет чёрных дьявольских зёрен, а не решит, так хоть разбейся и не избавишься.

– А фига лив! Вон, зайди к любому в амбар и сравни, сколько здесь чёрных зёрен, а сколько у других. Количество имеет значение. Одно зерно на сотню – ничего страшного, два – люди болеть могут начать, а десять – умрут. Здесь же меньше одного на сотню. Не зря работали. Ещё пять лет и избавимся, ну это если все избавляться будем. А если один, так споры гриба просто перелетят с одного поля на другое. В общем, нужно, как только с уборкой справимся, опять народ посадить перебирать... Стой, а я что-то не спросил, а как вообще урожай на этой полоске?

Полоска – это десять соток. Или одна десятая часть гектара.

– Одну кадь сняли.

Блин блинский. Калькулятор нужен. Иоганн прикрыл глаза и счётом занялся. Пересчётом. В кади четырнадцать пудов ржи. Два пишем три на ум пошло. Двести тридцать килограмм. То есть, урожай получился двадцать три центнера с гектара. При норме посева чуть поменьше двухсот килограмм на гектар, получается урожайность... сам – двенадцать.

– Сам – двенадцать? – сосчитав и открыв глаза, барончик просиял и таким сияющим уставился на управляющего.

– Да, Иоганн, с этой полоски получился сам – двенадцать. Само много сняли с той ржи, что купили в Дании. Там, если пересчитать, то получился сам – пятнадцать. Это полоска номер восемь. Вон, в тех ларях зерно. Очень урожайная рожь. Правда, в этом году и погода на заглядение. Лето тёплое и дожди все вовремя шли. Народ доволен. Такого урожая и не было никогда.

– Погода – это хорошо. Но ведь народ перебранное зерно сеял. Там и зёрна крупней и овсюга нет. Нет, Отто, это не только бога благодарить надо, но и пацанов, что всю зиму зерно посевное перебирали. И Угнисоса, что плуги делал. И меня, что я не твоё бурчание слушаю, а всё это внедряю.

С яровыми культурами ситуация схожая, но всё время уделив озимой ржи и пшенице, которой выращивают раза в два больше, на переборку яровых культур столько сил не тратили. Иоганн отложил все дела и прошёлся по полям. Если честно, то хреново. Рожь особенно по краю участка прямо серьёзно так была заражена спорыньей. Головки почти нет, а вот чёрных огромных рожек хватало. На пшенице почти не было этой гадости, совсем мало на ячмене и крохи, аж выискивать приходилось, на овсе.

– Отто, а как думаешь... Давай мы пару, а лучше три года не будем рожь вообще сеять, ни озимую, ни яровую. А пшеницу и остальные культуры по-прежнему перебирать. Тогда должны от спорыньи избавиться. Не, не, ты подожди головой крутить. Да, крестьянам рожь нужна. Так сколько там той ржи нужно всем жителям Кеммерна в год на еду. Не на продажу, а на еду. Ну, а остальным дорфам ещё меньше. Купим. Есть деньги. А ведь они зато больше пшеницы вырастят. Пусть белый хлеб едят. Сам говоришь, что и пшеницы в этом году больше собрали. Может даже больше, чем ржи раньше. Посчитать нужно. А пшеница дороже на рынке в Риге в два раза. Только прибыль народ получит.

– Народ бузить начнёт...

– Начнёт, если ты сейчас пойдёшь и скажешь, что Иоганн, мол, ирод эдакий, велел три года рожь не сеять, дохните с голода. А если скажешь всё, о чём сейчас с тобой говорили и объяснишь, то уверен, не бузить, а свечки в церквах ставить будут. Давай так, ты поговори с самыми уважаемыми людьми в Кеммерне, как они на это отреагируют? А потом мне скажешь.

– А семена той ржи, что выводили три года. Хорошая же рожь. И этот сорт хорош и с восьмой бы полоски всю на семена пустить, датская которая.

– Семена... Семена... А скажи мне Отто, а не знаешь ли ты тут поблизости дорфов или баронств целых, хозяева которых погибли в прошлом году в той битве и наследников не осталось, как в Пиньках? – вспомнил графские замашки Портоса барончик.

– Так соседнее баронство такое. Там вообще никого не осталось. Фрайхер Георг фон Айхштет погиб и оба сына его погибли в том сражении, а жена недавно представилась. Осталась только девочка семи лет. Там управляющим мой двоюродный брат Виллекин Ниндорф. То баронство, что там, – Отто махнул рукой в сторону заходящего солнца, – которое на запад от нас. Говорит, что архиепископ собирается передать его кому-то...

– Стой. Снаряжай пару Студебеккеров. Нам срочно нужно в Ригу.

Твёрдая (мокрая) головня ржи – болезнь, поражающая колос растения-хозяина.

Событие девятнадцатое

Иоганн V Валленроде за весну и лето совсем обрюзг. Не так чтобы колодой эдакой, куском жира, сидел на своём троне и подняться не мог, но килограмм пять точно добавил, и добавка эта пошла по большей части на лицо. Тройной подбородок, отвислые щёки, шея шириной с плечи. А всё сидячий образ жизни. Не гоняет никто их Высокопреосвященство, как он новиков. Сидит целыми днями на троне и рулит городом и... областью. Иоганн в первое мгновение даже не узнал партнёра по банковскому бизнесу. Думал, что прислали, пока он в поте лица Америку открывал, нового епископа из Рима или Авиньона. Но нет, харя на троне улыбнулась и даже встала при виде барончика вместе с раздутым туловом.

– Иоганн, мальчик мой, иди сюда, я обниму тебя. А вырос-то как. Ох, Дева Мария, да ты уже выше меня ростом на полголовы. Ох, что творится! Иди же сюда быстрее, Иоганн!

А что подарить архиепископу? Нельзя же без подарка. Все четыре Мадонны, что пока нарисовал Иоганн у Валленроде уже есть, новой пока барончик не нарисовал, хотя в плане есть, пора ассортимент расширять. На календаре их было двенадцать, есть ещё из чего выбирать. Нечего дарить, не маленький ведь кинжал из дамасской стали или совсем невзрачный хоть и стоящий, наверное, уйму денег кинжальчик из метеоритного железа. Слава богу, на французском пиратском когге у капитана в каюте была забавная вещица. Иоганн в конструкции давно разобрался все размеры перерисовал и прикинул, что повторить сможет. Не просто, но сможет. Зато, если он освоит производство, и запустит это производство, а не кустарщиной будет заниматься, то это принесёт очень и очень не маленькие деньги.

Это была клепсида. Или – это были водные часы. И судя по тому, что французы их захватили у осман, были они родом из Византийской империи. Это не была просто воронка, через которую вытекают капли и уровень воды, понижаясь, отмечает время. Тут была сложнейшая конструкция с шестерёнкой и рейкой с зубцами. Иоганн уже в пластилине и глине сделал отпечатки и теперь, в принципе, их можно будет отлить из бронзы или меди, а потом доработать напильником. Воронку и отверстие в ней он так же тщательно измерил и зарисовал, а потом и склеил из бумаги, как бы папье-маше получилось.

– Иоганн, мальчик мой, ты не против, если мы перейдём в мои покои? Сегодня ветер и холодно. Там горит камин. Я замёрз как цуцик.

Иван Фёдорович именно от архиепископа в первый раз услышал это выражение. Раньше как-то не задумывался, а кто такой этот цуцик. Оказалось, вона чё. «Замерз словно цуцик» – это буквальный перевод немецкой фразы *gefroren wie ein Welpе* (замерз как щенок). Слово «цуцик» является в русском языке звукоподражательным, как и в литовском *čiūčius* («собачка») в немецком же языке есть междометие *zschu, zschu*, от которого и получилось слово *zuzeln*.

Кроме клепсиды Иоганн привёз и пятнадцатилитровый бочонок ржаного виски. Им сразу и решил согреться его Высокопреосвященство. Как истинный сомелье протянул ноги к разожжённому камину и мелкими глоточками, подолгу играя янтарной жидкостью во рту, пригубливал. Тепло при этом этого цуцика и внутри и снаружи приводило в нужное хорошее настроение для выклянчивания баронства фрайхера Георга фон Айхштета – земля ему бетоном. Иоганн этого дядьку вспомнил, навещался несколько раз к отцу и даже отвесил подзатыльник подвернувшемуся на дворе под ноги ему Иоганну. Был Георг бочкой такой, вот как сейчас архиепископ, и ржал как конь, при этом Иоганн слышал, как он презрительно обзывал его отца думкопфом, то есть дурнем, разговаривая шепотом с сидевшем рядом на том пиру Лаутенбергом старшим.

Клепсидра архиепископу Иоганну Валленроде понравилась.

– Я видел такие часы в Авиньоне у папы Бенедикта XIII (антипапа). Только те были хоть и с большим количеством золота, но не такие интересные. Проще. Там цилиндр раскручивали верёвки, которые и замедляла вода. И там непонятно было, как определять время. А вот такие с кругом и цифрами...

– С циферблатом, – подсказал довольный Иоганн архиепископу, когда тот выпил стаканчик виски, и Иоганн убрал с часов ткань, их скрывающую, их Высокопреосвященство подхватился с кресла и уже больше десятка минут ходил вокруг них, внимательно изучая каждую деталь и восторгаясь конструкцией. Значит, понравились. И значит, можно заводить разговор о соседнем баронстве.

Не из жадности же нужно, и не из-за дурацких амбиций, как у Портоса. Графом стать? Не, нет такой цели. Другая цель. Нужно было это баронство, чтобы вынести рожь из их дорфов. Пусть её там, у соседей, сеют и улучшают дальше, он им подскажет, научит и поможет, а здесь в Кеммерне и Русском селе он попытается избавиться от спорыньи и головни окончательно.

Событие двадцатое

– Это странно, мой мальчик, не обижайся, что я тебя так называю, своих детей у меня понятно не будет... обет дал... – видно было, что алкоголь подействовал, да и чего бы ему не подействовать. Спиртометра нет у барончика, но так, на вкус, Иоганн определил, что крепость градусов в сорок, как и положено, есть. Великим самогонщиком Иван Фёдорович себя не считал, да и не был, но видел ролики в интернете, где самогонщики, как раз настоящие, говорили, что после двойной перегонки получается огненная вода крепостью в 60 градусов. Вот и разбавили, долив половину объема, а потом залили в обожженные дубовые бочки и туда добой стружки, поджаренной, ещё накидали для ускорения процесса. Должно было 40 градусов получиться, как Менделеев и заповедовал.

Так видно было, что архиепископ захмелел, но виски ржаной, который Иоганн обозвал «Бастардом», по аналогии с подаренным ему как-то в прошлом, не развеселил их Высокопреосвященство, а вогнал в зелёную тоску быстро. Плохо.

– Нда, детей... Так что, я тебя за сына считаю. О чём это я? Ах, да, странно это, мой мальчик, ведь никому не нужно было полтора года, а сегодня ты второй с просьбой передать тебе это баронство в управление.

– Именно земли Георга фон Айхштета? Они соседние с моими. Мой управляющий ничего не говорил. И кто же опередил меня, Ваше Высокопреосвященство? – пить крепкие напитки в четырнадцать лет не стоит, да и не хотелось особо. Потому, Иоганн просто сидел, поигрывая огненной водой в серебряном стакашке. А запах приятный. Карамель и корица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.